

ОГОНЁК
№ 34 АВГУСТ 1957
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

35-й год издания

№ 34 (1575) 18 АВГУСТА 1957

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

После подписания Совместного заявления о переговорах Партийно-Правительственной делегации Советского Союза с делегациями Социалистической единой партии Германии и Правительства Германской Демократической Республики.

ТАК ЗАКАЛЯЕТСЯ ДРУЖБА

«Советские друзья» — так тепло и просто называли жители городов и сел Германской Демократической Республики советскую Партийно-Правительственную делегацию. Каждый день пребывания делегации в ГДР был яркой демонстрацией дружбы двух социалистических стран.

Состоявшиеся во время визита переговоры между делегациями Коммунистической партии Советского Союза и Социалистической единой партии Германии, а также между делегациями правительств СССР и ГДР проходили в обстановке сердечности и откровенности. Подписанное в Берлине Совместное заявление отмечает, что отношения между Советским Союзом и Германской Демократической Республикой успешно развиваются в духе полного равноправия и братского сотрудничества.

В дни пребывания в ГДР Партийно-Правительственной делегации СССР можно было вновь и вновь убедиться в могучей силе слова «дружба», выражающего самые большие надежды и самые глубокие чувства народов. Неоднократно повторенное в Берлине, Лейпциге, Ростоке, Дессау, Магдебурге, Штральзунде слово «дружба» звучало как клятва верности обоих наших народов делу мира и социализма.

Во вторник, 13 августа, на площади Берлина, носящей имя Маркса и Энгельса, реяли алые полотнища, советские флаги, черно-красно-золотые флаги Германской Демократической Республики. И всюду гремело все то же слово «дружба». Двести пятьдесят тысяч жителей восточного и западного Берлина пришли приветствовать советских друзей. Широкая магистраль Унтер ден Линден вплоть до Бранденбургских ворот, все прилегающие улицы были заполнены людьми.

Бурные аплодисменты многократно проносились по площади во время речи Никиты Сергеевича Хрущева. С огромным энтузиазмом встретили собравшиеся слова главы советской делегации о том, что Советский Союз желает видеть Германию объединенной в единое демократическое государство, которое проводило бы политику мира и дружбы со всеми странами. Возгласы возмущения по адресу боннских правителей раздавались от края до края огромной площади, когда

Митинг в Берлине на Маркс-Энгельс-плац.

На строительной выставке.

Н. С. Хрущев говорил об авантюристической и гибельной для немецкого народа политике развязывания войн, проводимой правительством Аденауэра. Поднялась буря приветственных кликов, когда товарищ Хрущев на немецком языке провозгласил здравицу в честь Германской Демократической Республики, за дружбу советского и немецкого народов, за мир во всем мире.

Митинг в Берлине был голосом сердца всего немецкого народа, ярчайшим проявлением искренних чувств всех миролюбивых немцев к советскому народу, знаменосцу мира.

* * *

Встречи, встречи, встречи... С кем только не встречались советские гости за неделю пребывания в ГДР! Тут и рабочие заводов, верфей и шахт, и члены сельскохозяйственных кооперативов, и моряки, и писатели, и учителя, и школьники — всех не перечтешь. Это был дружеский разговор, откровенный обмен мнениями.

Строительная выставка в Берлине. Советская делегация с интересом осматривает большой зал на четыре с половиной тысячи мест, выстроенный за сто десять дней.

— Очень хорошо сделано! — сказал Никита Сергеевич Хрущев. — Можно поздравить строителей.

Советских гостей просят расписаться в книге посетителей. Товарищи Хрущев и Микоян ставят свои подписи.

— Что же вы, Никита Сергеевич, ничего не написали в книге о своих критических замечаниях, — шутит кто-то из немецких товарищей.

— Критиковать можно и устно, — говорит Хрущев и, улыбнувшись, добавляет: — Да и хорошего у вас здесь больше, чем того, что нужно критиковать...

В Ростоке перед началом митинга сквозь толпу проскользнула маленькая девочка в ярком платьице. Она добежала до А. И. Микояна, вытащила из-за спины букет цветов и протянула его советским гостям. Анастас Иванович, улыбнувшись, протянул ей шоколад. После того, как она отошла в сторону, мы попробовали взять у нее интервью. Девочку зовут Эрика, ей пять лет. Это ее мама, которая была среди других участников митинга на площади, попросила вручить цветы гостям из СССР. Мы поблагодарили Эрику за интервью. В ответ она молча протянула нам ле-

На заводе тяжелого машиностроения имени С. М. Кирова в Лейпциге.

В сельхозкооперативе Хаккеборн.

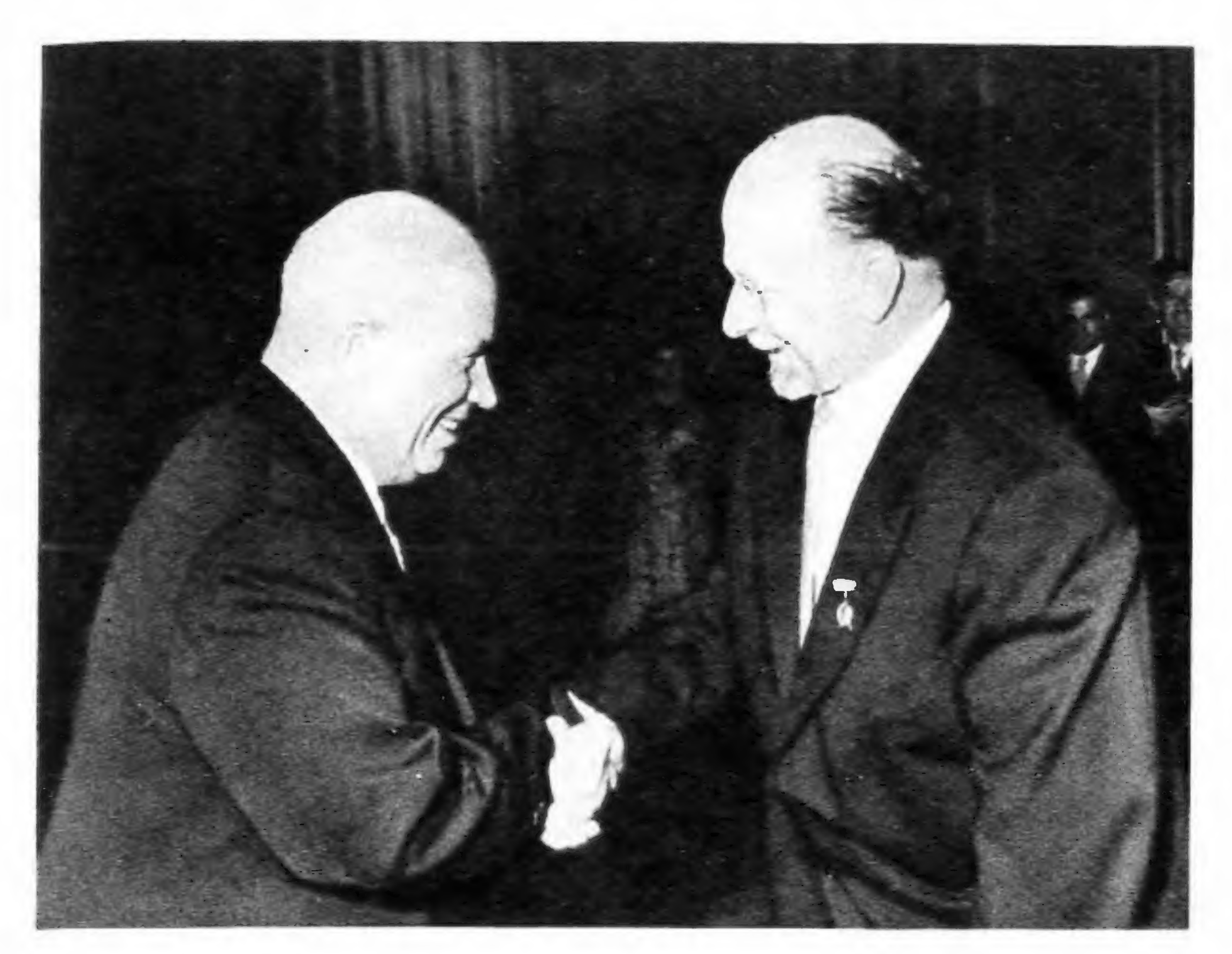

Советские гости делают запись в книге почетных гостей Берлинской ратуши.

У памятника советским воинам в Трептове. Берлин.

Н. С. Хрущев и Вальтер Ульбрихт.

А. И. Микоян и Отто Гротеволь.

вую ручку: в правой у нее был крепко зажат шоколад...

На юге ГДР члены советской делегации, возглавляемые Н. С. Хрущевым, посетили народное имение Шванеберг. Работники этого имения достигли больших успехов в развитии животноводства. Поля имения засажены советскими сортами кукурузы. Никите Сергеевичу очень понравилась кукуруза в Шванеберге.

— Это замечательно, — сказал он. — Просто колбаса на стеблях.

Сейчас проедут советские гости.

Успехи ГДР, достигнутые в сотрудничестве со всеми странами социалистического лагеря, отметил Н. С. Хрущев в своей речи в Лейпциге, растущая прочность ГДР, непрерывное увеличение продукции ее промышленности и сельского хозяйства убедительно доказывают то, что путь, избранный ГДР, единственно правильный, открывающий величайшие созидательные перспективы перед немецким народом.

Во все дни своего пребывания на земле Германской Демократической Республики советская делегация была окружена искренним, теплым гостеприимством немецкого народа. Жалкими и смешными выглядят пропагандистские фальшивки западной печати насчет каких-то «принудительных мер», при помощи которых якобы заставляли население ГДР встречать советских представителей. Достойным ответом на эти бесчестные измышления явились слова Н. С. Хрущева на митинге в Берлине, встреченные единодушным одобрением участников митинга:

— Да разве можно в таком деле заставить человека делать то, что не идет от души? Надо было посмотреть на эти приветствия, жесты, возгласы!.. Эти чувства шли от души, и это нельзя вызвать никакими приказами.

Клевета врагов немецкого народа на Советский Союз и Германскую Демократическую Республику бессильна задержать прогресс сил мира и социализма. Это со всей силой показала поездка советской делегации в ГДР, превратившаяся в праздник дружбы и единства обеих социалистических стран.

Дм. БАЛЬТЕРМАНЦ,
А. СЕРБИН

Специальные корреспонденты «Огонька»

На заседании Народной палаты Германской Демократической Республики. Товарищи В. Ульбрихт, О. Гротеволь и Н. С. Хрущев.

Население Лейпцига приветствует советских гостей.

ЧЕРЕЗ ДАЛИ ЗЕМНЫХ ПОЛУШАРИЙ

Галина ШЕРГОВА

Горняки, рыбаки, плотогоны!
Эта ночь распахнулась для нас:
Сплетены под соцветьем знаменным
Наши руки и судьбы сейчас.
С неба звезды срываются рядом,
Обгоняя рассвет на пути.
И последним ночным звездопадом
Фейерверк пестрокрылый летит.
Звезды разных созвездий
наша дружба сроднила —
Видишь, их отраженья проплывают везде,
Точно звезды над Гангом,
Точно звезды над Нилом,
Точно звезды над Вислой,
На московской воде.

Нынче каждой восторженной паре
О друзьях говорить без конца:
Через дали земных полушарий
Потянулись друг к другу сердца.
Нынче каждый подругу находит,
И для каждого звезды горят.
Фестивальная ночь на исходе,
А сердца говорят, говорят...
И глаза загорелись на лице твоем милом,
Их сиянье со мною,
не остынет нигде.
Точно звезды над Гангом,
Точно звезды над Нилом,
Точно звезды над Вислой,
На московской воде.

В воду падают блики рассвета,
Чтобы звездам плывущим помочь,
Догорает с последней ракетой,
Уходя, фестивальная ночь,
И в рассветной сумятице
пятен
Отступают и тают огни...
Ты до старости дальней,
приятель,
Эту юную ночь
сохрани.

Молодым и отважным
все дерзанья по силам.
Пусть же будут с тобою,
Помогая везде,
Эти звезды над Гангом,
Эти звезды над Нилом,
Эти звезды над Вислой,
На московской воде.

→ Флаг фестиваля спущен.
Фото Е. Умнова

↓ Последние встречи в Москве.
Фото С. Раскина.

До новых встреч, друзья!

Окончилась великая ассамблея молодежи. Разъехались делегаты по своим странам. Каждый увез в своем чемодане или рюкзаке какой-нибудь сувенир, подаренный бойким московским мальчишкой, открытку с видом Москвы или книжку автографов. Будет что показать своим друзьям!

Но самый главный багаж, который увезли делегаты фестиваля из Москвы,— это знания и чувства, приобретенные здесь. Они получены на улицах, площадях города, во время дружеских встреч с представителями десятков стран.

Люди увидели своими глазами, ощутили всем сердцем и умом, как велика тяга молодежи к миру и дружбе. Никто не забудет двух недель московского фестиваля. Как бы ни бесились противники мира, им не уничтожить чувств, которые увезли участники фестиваля в своих сердцах.

Шестой фестиваль не последняя встреча

До новых встреч, друзья!

Участникам фестиваля счастливого пути!

Провожают индийскую делегацию.

На прощание англичанин и советская девушка танцуют «русскую».

Фото Р. Лихач.

В ГОСТЯХ У «ОГОНЬКА»

Редакцию журнала «Огонек» посетили находящиеся в Советском Союзе венгерские писатели, лауреаты премии Кошута, Бела Иллеш, Йожеф Фодор и Тибор Барабаш. Они рассказали о своих творческих планах.

На снимке: Тибор Барабаш, Йожеф Фодор и Бела Иллеш.

Молокане в Москве

— Сит даун, Тимофей Иванович, вон там...

— Сажусь, сажусь, сенк ю.

Этот разговор происходил в одном из номеров гостиницы «Националь» между людьми, внешность которых была столь же необычна, как и разговор. Ярко раскрашенная американская рубашка одного и окладистая борода другого, быстрый американский говор и русская степенность. Все четверо приехали из Соединенных Штатов Америки, где живут с детства, и все четверо — русские люди.

Это молокане Давыд Петрович Милосердов, Василий Иванович Самарин, Тимофей Иванович Хопров, Василий Павлович Колпаков. Их отцы полвека назад переселились в Америку из Закавказья, где жили члены религиозной секты молокан.

Молокане рассказывают, что сведения о своей родине они черпают главным образом из газет.

— Из нашей общины в России уж лет тридцать никого не было, — говорит Давыд Петрович Милосердов и продолжает: — Да, не ждали мы здесь такого увидеть, никак не ждали!

— Что же вас удивило? — спрашиваю я.

— После такой войны так быстро все восставили! — поясняет Милосердов.

— Когда мы сюда ехали, нам про «железный занавес» говорили. Будто пропадет тот, кто сюда приедет. А все неправда.

Гости говорят, что не было еще вопроса у них, на который они не получили бы здесь ответа. Но случайно я узнаю, что мои собеседники вначале избегали разговоров с советскими людьми на улицах. Они, например, не решались задать вопрос служащей гостиницы, какую заработную плату она получает.

— Но почему? — удивился я.

— Ну, думали, это запрещено...— смущенно отвечает Давыд Петрович.

Среди молокан до сих пор вспоминают о «Петрове и его приятеле Ильфе». Все четверо рассказывают мне, с какой радостью они принимали у себя в позапрошлом году советских журналистов, как для них дорого было получить весточку о родной земле, о родном народе. Недавно в Америке они встречали группу баптистов из Советского Союза.

Мои собеседники говорят, что советскую визу они получили совершенно свободно.

— Еще не забудем добавить,— обращается к друзьям Тимофей Иванович Хопров,— что в советском консульстве в Вашингтоне нас очень хорошо приняли.

— Да, да,— подтверждают трое.

Еще рано подробно спрашивать наших собеседников об их впечатлениях. Пять дней — очень маленький срок. Молокане совершат поездку в Ростов, Тбилиси, Ереван.

Г. БОРОВИК

Слева направо: Тимофей Иванович Хопров, Василий Иванович Самарин, Давыд Петрович Милосердов, Василий Павлович Колпаков.

Фото автора.

ДЖЕН ГРАНТ НА РУССКОЙ СВАДЬБЕ

— Это замечательно,— сказала Джен Грант, когда ее пригласили на свадьбу.— Замечательно побывать на русской свадьбе! А особенно мне: ведь такое же событие предстоит и в моей жизни.

Нел и Сюзанн Киддар тоже охотно откликнулись на приглашение. Они молодожены, и поездка на фестиваль — их медовый месяц. В памяти супружеской пары из США еще свежа собственная свадьба, и им интересно посмотреть, а как это происходит у русских. К ним присоединилась и их соотечественница Ноэль Кэровэн, будущая драматическая актриса.

И надо сказать, что свадьба не обманула ожиданий американских гостей. Все здесь было непринужденно, весело и уж, конечно, не обошлось без старых русских обычаев.

Молодых встречал у входа отец невесты Николай Иванович Федюнин. На расшитом петухами полотенце он поднес им хлеб-соль и пожелал счастья. Но ключ от их новой квартиры вручал не отец невесты. Эту обязанность с удовольствием выполнил Николай Михайлович Суворов, управляющий трестом, в котором работают новобрачные: Виктор Константинов — каменщиком, а Рая Федюнина — маляром. Приятно получить ключ от первой в жизни собственной квартиры!

Все понравилось Джен Грант на этой свадьбе. И зажигательные русские пляски, задушевные песни, хлебосольство и радушие хозяев.

— Горько! — кричала Джен вместе со всеми, а потом, не выдержав, пустилась вместе с женихом в круг отплясывать цыганочку. Нашлось у нее время и для того, чтоб в укромном уголке потолковать по душам с Раей. Ведь у этих, таких разных на первый взгляд девушек много общего. Джен — студентка вечернего отделения университета, она изучает политэкономию, а днем работает в редакции газеты. Рая окончила десять классов и теперь тоже думает продолжать учебу.

Впрочем, темпераментный Нел Киддар не дал им долго секретничать. Он предложил руку невесте и закружил ее в быстром вальсе.

А на стол ставили все новые подарки: чайный сервиз — от товарищей по работе, радиоприемник — от райкома комсомола.

...В самый разгар веселья подъехали новые гости — делегаты фестиваля из Польши. Ну, что ж, пришлось, конечно, поднять еще не один бокал за здоровье молодых. И вот уже хозяева и гости — американцы, поляки, русские,— крепко взявшись за руки, стоят вокруг стола и поют. Поют «Джо Хилл» — песню американских рабочих. Ее запевает Нел Киддар, и, подхваченный десятками юных голосов, мотив летит в открытые настежь окна, за которыми переливается огнями фестиваля ночная Москва.

— Чудесный вечер,— прощаясь, говорили Джен Грант и ее товарищи,— мы его никогда не забудем!

— Дружба наших народов стала еще крепче,— пожимали руки своих новых друзей Юзеф Гендера, Тадеуш Сухорский, Виктор Кинецкий.— До встречи на седьмом фестивале!

Вик. МАРЬЯНОВСКИЙ

← Нел Киддар с женой поздравляют молодых.

Фото А. Светлова.

Каскеленский целинный зерносовхоз Алма-Атинской области. Комсомольской улице всего два года. Раньше тут была голая степь.

Фото Риммы Лихач.

В свободный час на полевом стане первой бригады Каскеленского зерносовхоза.

Фото Риммы Лихач.

ВОЕННОЕ УЧИЛИЩЕ

Из второй книги романа «Заре навстречу»

Вадим **КОЖЕВНИКОВ**

Рисунки Ю. РЕБРОВА.

В первые дни Советской власти заседания уездного комитета велись почти круглосуточно. Нужно было решить тысячи неотложных дел, чтобы плоды революции скорее стали достоянием повседневной жизни.

И вот после красивой речи комиссара просвещения Егора Косначева, призвавшего создать в бывшем архиерейском доме «Народную академию всех знаний», встал Федор Зубов и потребовал, чтобы пустующую пересыльную тюрьму отдали под будущее военное училище. И это тогда, когда одним из первых декретов был декрет о мире, когда на фронте происходило братание и миллионы русских солдат, измученных войной, рвались домой.

Низкорослый, коренастый, с глубоко вдавленным в лицо бурым рубцом, в опаленной шинели, положив руки на спинку скамьи, Федор стоял, не шевелясь, и только поводил ледяного цвета глазами на тех, кто негодующе кричал на него.

Приговоренный в конце 1916 года военнополевым судом к расстрелу за антивоенную пропаганду, большевик прапорщик Федор Зубов стоял перед взводом солдат без погон, без ремня и сапог. Дважды офицер отдавал команду. Дважды раздавался залп, а Федор все стоял, задумчиво глядя на свои босые ноги. Офицер не стал в третий раз отдавать команду. Приказав убрать «труп казненного», он поспешно удалился, опасаясь выстрела в спину, шел словно пьяный, зигзагами.

В этот день немцы прорвали фронт. И только одна батарея, которой командовал председатель подпольного большевистского комитета Федор Зубов, прикрывала на переправе отступление разгромленной дивизии. Раненного в голову Зубова солдаты вынесли на руках и сдали в госпиталь. Здесь его снова обнаружила контрразведка. Командир артиллерийского дивизиона, старый офицер, узнав о подвиге батареи Зубова, исходатайствовал, чтобы Зубову заменили смертную казнь разжалованием в солдаты. В команде смертников Федор отличился, захватив немецкий штаб, но снова попал в контрразведку за то, что в расположении врага разбрасывал листовки с призывами к миру. Его спасла от казни Февральская революция. В памяти Федора остались поля, заваленные истерзанными трупами, воронки в земле, подобные разверзшимся язвам, обезглавленные рощи, опаленная тротилом трава, лужи с коричневой от крови студенистой водой.

Федор знал, что такое война, чьи руки управляют ею, и был убежден в том, что разбить военную машину можно только при помощи подобной же машины, но подчиненной народу. В чемодане у него хранились книги по вопросам военной истории, науки. Он изучал войну, как ненавистного врага. Во время революционного восстания в городе Федор командовал красногвардейцами, и в бою со сводным батальоном и офицерской дружиной красногвардейцы вышли победителями, понеся самые незначительные потери.

И об этом хорошо знали сидящие здесь, на заседании укома. Многим из них Федор спас жизнь своим воинским умением.

Дождавшись тишины, Федор поднял голову и твердо заявил:

— В военном училище надо будет готовить по ускоренной программе из солдат, рабочих и крестьян грамотных командиров не для войны, а против войны.— Не обращая внимания на иронические возгласы, он повторил решительно: — Да, против войны! — И спросил сурово: — С такой формулировкой вы как, согласны?

— Софистика!

— Призыв к милитаризму!

Встал Рыжиков и, неприязненно глядя в сторону тех, кто возмущался словами Федора, сказал:

— Да, мы против войны. Но не против военной науки.— И, обратившись к Косначеву, спросил весело: — Как, Егор, военная наука у тебя уже за науку не считается? На ниве просвещения только одни цветочки собираетесь выращивать? Смотри, как бы чужие солдатские сапоги не потоптали эти цветочки-то!

Незначительным большинством голосов предложение Зубова было принято. И то лишь потому, что за него первым поднял руку Рыжиков — председатель ревкома.

С десятком выписавшихся из госпиталя фронтовиков (одним деваться было некуда, другие, обезображенные ранениями, не хотели возвращаться домой) Федор Зубов стал приспосабливать угрюмое старинное здание тюрьмы под казарму.

С помощью взрывчатки они развалили внутренние стены, отделяющие камеру от камеры, настелили на каменные плиты деревянный пол, сколотили нары, побелили стены и потолок. Продали на барахолке арестантские халаты, шестьдесят пудов ручных и ножных кандалов, которые с охотой брали крестьяне, чтобы переделать их на путы для коней. Купили школьные принадлежности и два пуда керосина.

Первые месяцы курсанты Зубова больше работали по трудовым мобилизациям, и Федор скаредно требовал за это у продкомиссара дополнительных пайков. Он снарядил охотничий отряд и привез из тайги больше двухсот пудов мяса. Постепенно в военном училище образовался запас продовольствия. Продуктами Зубов соблазнил на педагогическую работу в училище словесника Ивана Мефодиевича Воскресенского, математика Олекменского, топографа Верзилина, полковника в отставке Купресова. Для того, чтобы обеспечить училище арсеналом, Зубов с курсантами отправлялся за сотню верст на узловую станцию и там либо отнимал оружие у демобилизованных, либо выменивал его на хлеб и мясо.

После того, как группа правых эсеров по заданию Антанты совершила четырнадцатого января в Петрограде покушение на Ленина, Федор категорически заявил Рыжикову:

— Больше ни одного курсанта не дам на трудовые работы.— И объяснил угрюмо: — Это война стреляла в нашу партию, как в своего главного врага. Они хотят или снова втянуть Россию в войну или напасть на нас.— И повторил: — Больше ни одного человека отрывать от военной учебы не позволю...

В буран и стужу, в слепящие снегопады курсанты проводили строевые занятия на площади Свободы или уходили в тайгу, где разыгрывали условные бои. Ночью окна казармы были освещены: только ночное время Зубов отводил курсантам на занятия общеобразовательными предметами.

Курсанты были одеты в серые хлопчатобумажные гимнастерки и такие же галифе; вместо сапог — полотняные обмотки и чуни из сыромятины; вместо шинелей — стеганые ватные кацавейки, крытые ситцем с какими-то обидными голубыми и розовыми цветочками. Из такого же материала — ватные шапки-ушанки. Все это пошили Полосухины, для которых тут же была оборудована мастерская.

Полосухин назывался теперь гарнизонным портным, и Федор разрешил ему носить курсантское обмундирование, только без красной звезды на шапке. Когда Феня Полосухина проходила по коридору, где выстраивались на поверку курсанты, они косили глаза на нее, а не на правофлангового.

После того, как курсанты поймали бандитов, угнавших коней из транспортной конторы, их уважительно стали называть в городе: «Краснофицерские солдаты».

Федор Зубов считал, что для курсантов это только военное занятие, и не был доволен результатами. Планировал он операцию так: прижать противника к Максимкину яру, лишить маневра, принудить к сдаче. Но вопреки приказу курсанты перешли в штыки.

На митинге рабочие транспортной конторы постановили наградить военное училище.

В сторожке конторы висела дуга от знаменитой рысистой упряжки миллионера-золотопромышленника Громова. Дуга была сделана из орехового дерева, обита серебряными бляшками, на концах обшита красной сафьяновой кожей. Громов некогда выписал ее из Лондона вместе с лакированной сбруей.

Полуграмотный купец разорился на биржевых махинациях, прииски перешли в собственность американской компании, а отделанную серебром дугу купил при распродаже ветеринар Синеоков. Он преподнес ее в дар транспортной конторе после того, как убедился, что рабочие, следуя его советам, поставили на ноги даже самых безнадежных коней.

Вот эту дугу и решили, с согласия Синеокова, торжественно вручить военному училищу, сделав надпись белилами: «Красным офицерам от рабочих дружинников первой городской Транспортной конторы».

Во дворе пересыльной тюрьмы, где находилась казарма, состоялся митинг. После митинга дугу водрузили на деревянное возвышение рядом со знаменем.

Тима очень любил Зубова и поэтому обрадовался, когда Рыжиков поручил ему передать Федору, что по случаю торжества отдает для училища два воза муки.

Часовой не захотел ни разговаривать с Тимой, ни пропустить его. Держа в одной руке винтовку, он вынул из кожаного карманчика в портупее свисток, коротко свистнул два раза.

Вышел курсант с красной повязкой на рукаве и спросил строго:

— Что надо?

Тима имел уже достаточный опыт, как лучше рекомендовать себя, и заявил:

— Сапожков, представитель конной конторы, к товарищу Зубову.

Оглядев Тиму с ног до головы, курсант спросил снисходительно:

— Не ты, случаем, на дуге надпись делал? — И, усмехнувшись, добавил: — А я думал, ты: больно криво буквы намазаны.— И похвастал: — У нас за такое чистописание наряд вне очереди.

Велев подождать Тиме в коридоре, курсант ушел и, вскоре вернувшись, объявил:

— Товарищ Зубов ведет занятие. Приказал, как представителя, ознакомить тебя с училищем.— И подмигнул: — Может, понравится, остаться захочешь.

В камере, которая называлась «классом», на деревянных, пропитанных ружейным маслом стеллажах лежали винтовки, револьверы, разобранные на составные части гранаты.

Курсант Губарев объяснял устройство оружия и каждый раз, пока собирал или разбирал механизм, приказывал Тиме считать вслух. Губарев пожаловался, что оружие у них всех стран и наций и поэтому учиться очень тяжело. Но поскольку мировая буржуа-

зия против Советского государства, надо изучать всякое оружие, потому что в будущих боях его придется отнимать у всех тех, кто полезет против Советской власти.

У Губарева твердое скуластое лицо с маленьким мягким, расплющенным носом, глаза быстрые, коричневые и добрые, как у медвежонка, а руки с короткими, толстыми пальцами действовали с поразительным проворством, когда он собирал или разбирал механизмы.

Он говорил Тиме обиженно:

— Оратор один в клубе просвещения хотел мозги набекрень свернуть, будто Маркс велел при социализме армию не содержать, а вместо нее раздать оружие по домам. А нас, значит, военных, словно чиновников, лишить званий. На фронте как было? Пришлют пополнение, введут в бой, потери страшные, и до тех пор выбивает нас германец почем зря, пока чему положено солдат не научится.— Вздохнул: — Война — занятие тяжелое. Без обучения со всей строгостью — только людей терять и калечить.— И произнес сокрушенно: — Нас в городе вроде дармоедов считают. Вот, мол, декрет о мире Совнарком подписал, а мы тут поперек всем воевать учимся... Но товарищ Зубов—человек — скала. Из Совета придут, требуют курсантов либо на дрова, либо еще куда работать, а он ни в какую. Придет измочаленный после заседания, выпьет из бачка без передыха воды, скомандует: «Сборы на заготовку дров отставить под мою ответственность — и все». Пайки срезали. Вместо сукна ситец словно в насмешку выдали. Но ничего, терпим. Ленин-то за нас!..— Губарев вытер руки о паклю, вынул из нагрудного кармана бумажку и прочел торжествующе: «Непрочность мира обусловливается тем, что в граничащих с Россией с запада и с востока империалистских государствах, обладающих громадной военной силой, может взять верх с минуты на минуту военная партия, соблазненная моментальной слабостью России и подталкиваемая ненавидящими социализм и охочими до грабежа капиталистами».

Пряча бережно бумажку обратно в карман, Губарев строго заявил:

— Вот что товарищу Зубову надо всем там в продотделе вколачивать в башку. Засели штатские, не понимающие Маркса, а он ведь как, я думаю, полагал: народу раздать оружие, которого излишки, а армия сама по себе, она главная...

Тиме не очень интересно было слушать эти рассуждения Губарева, его влекло выставленное на стеллажах оружие, и он спрашивал:

— А это что? А это?

Губарев объяснял преимущества одного оружия перед другим и называл страну, где оно сделано. Одно обстоятельство поразило Тиму. Он слышал от Савича, будто бы Америка до этой войны почти никогда не воевала против других народов, а вот это пятнадцатизарядное ружье — американца Генри Винчестера, револьвер — тоже американца Самуила Кольта. скорострельная пушка — американца Гочкиса, и даже наша берданка названа по имени американца Бердана. И все это оружие сделано задолго до войны с Германией, тогда, когда Тимы еще не было на свете.

Но лекция была прервана Федором.

— Пойдем, я тебя чаем с патокой угощу.

И тут Тима был прямо ошеломлен и даже глубочайшим образом оскорблен. При появлении Зубова Губарев вытянулся, щелкнул каблуками, выкатил глаза и отрывисто отрапортовал:

— По вашему приказанию знакомлю делегата из конной конторы с оружием всех образцов.

— Вольно,— сказал Федор и движением руки отпустил Губарева.

Шагая по коридору рядом с Федором, Тима, с трудом сдерживая негодование, спросил:

— Зачем же вы тут старый режим завели? Разве можно, как при старом режиме, так людей перед собой унижать?

Федор остановился, внимательно поглядел в огорченное лицо Тимы и, поняв, что тот искренне возмущен и растерян, произнес с задушевной добротой в голосе:

— Эх, Тимофей-воробей, до чего же ты шибко революционным стал! — И сказал уже серьезно, без всякой улыбки: — Армия без дисциплины — только толпа с винтовками. Самое трудное для нас — преобороть законную ненависть ко всяким внешним формам субординации, принятым в старой русской армии, и, не занимаясь никчемными выдумками, восстановить то, что может быть полезно нам.— И пояснил строго: — Внешнее выражение уважения к командиру — это не заискивание перед начальником, а словно мгновенное подтверждение готовности выполнить любое приказание. Понял?

Как и папин кабинет в тюрьме, комната Федора в казарме походила на одиночную камеру. Железная откидная койка застлана тощим одеялом. На столе кружка и чайник, деревянный сундучок, выкрашенный зеленой масляной краской. На стене винтовка и сабля в обшарпанных ножнах. Больше никаких вещей здесь не было.

Убедившись, как скудно живет Федор, Тима торжественно объявил:

— Рыжиков велел сказать, что дарит вам от маминого обоза два воза муки.

Федор пренебрежительно махнул рукой:

— Спохватились! Я им сам могу такое одолжение сделать,— и добавил самодовольно: — Марш проводили по пересеченной местности. Стали на постой в деревне — строго на своем сухарном пайке. А мужички с перепугу всю скотину в тайгу погнали. На обратном марше догоняет верховой. «Обождите,— кричит,— вам пять возов за аккуратность собрали». И похвастал: — Видал, как народ Красную Армию зауважал?

Усевшись на койку, Федор похвалил Тимину маму:

— Варя меня поддержала против Савича. Он оратор, кого хочет до обалдения заговорит. Назвал меня уездным Дон-Кихотом.

— Я знаю,— сказал Тима, накладывая из котелка побольше патоки.— Это сумасшедший рыцарь, который на мельницу с копьем бросился.

— Вот-вот! — почему-то обрадовался Федор.— Кричит: эти уездные Мальбруки.

— Этих я не знаю,— сознался Тима.

— И черт с ними! — горячо произнес Федор.— Так вот, он говорит, будто наше училище противоречит своим существованием декрету о мире. И я будто бы играю на руку буржуям, эсерам и меньшевикам, которые требуют немедленно начать войну против Германии. Они перед училищем митинговали за войну, а я послал курсантов и разогнал их к чертям собачьим.— Нервно пожав плечами, Федор сказал горько: — Ведь подумать надо! Савич кричит: без мировой революции, в случае нападения империалистов, мы не сможем одни просуществовать и недели. Как тебе это нравится?

— А может, она действительно получится?..— с надеждой сказал Тима.

— Эх, ты, политик! — укоризненно заявил Федор.— И, вытирая ладонью патоку со стола, объяснил строго: — Ленин сказал, что мир есть средство для накопления сил, значит, есть силы, и их надо только видеть, понимать и накапливать, пользуясь передышкой. Вот в феврале под Псковом те же солдаты, которых немцы били, побили немцев.

— Я это помню,— солидно сказал Тима.— На улице люди целовались, когда мама повесила на стенке об этом объявление.

— Правильно,— обрадовался Федор,— целовались! А Савич голосовал, чтобы нам пайки урезали и чтобы курсанты три раза в неделю несли трудовую повинность, как и все. Это, он говорит, демократично. Нельзя, мол, в социалистическом государстве создавать привилегированную военную касту.

— А чего вы стали таким нервным? — спросил Тима.— Вот даже тогда, после контузии, не были нервным, а сейчас стали.

— Будешь нервным,— сердито ответил Федор.— Витол тоже, как бандитов ловить, сейчас курсантов вызывает. А в военном отношении операции против бандитов ведутся безграмотно, непродуманно. Потери могут быть. А я собрал самых способных людей, что ни человек — талант.

Ну, уж этого Тима никак не мог понять. Допустим, храбрые, смелые, а как это может быть у военного талант? Вот еще Федор выдумал! Просто он хочет, чтобы курсантов не трогали, и потому выдумывает про таланты. Все равно, как Косначев. Но Косначев имеет право так говорить: рисовать, играть на музыкальных инструментах — для этого талант нужен. Но чтобы воевать? Нет, здесь, кроме смелости, ничего не надо.

Конечно, Тима не знал всех обстоятельств, при каких Зубов проводил набор курсантов в свое училище. По целым неделям Федор не уходил с узловой станции, мимо которой катились эшелоны с демобилизованными солдатами. Солдаты рвались домой, покрытые окопной глиной, заросшие, злые до остервенения от всякой задержки. Все они испытывали жесточайшую тоску по дому. Измученные, искалеченные, голодные, с красными от бессонницы глазами, они наводили страх на всех своей свирепостью. И могли убить каждого, кто попытался бы задержать их на пути к дому.

Федор бродил по вокзалу в бурой фронтовой шинели, опираясь на черемуховую палочку, и цепко вглядывался в лица солдат, искаженные яростным нетерпением. Сколько нужно было такта, силы воли и убежденности, чтобы уговорить солдата остаться в городе, чтобы вновь начать учиться воевать, стать военным и потом снова переносить все то, от чего вся душа его стала черной,— страдания, лишения, тоску и страх, который можно преоборoть так, чтобы другие не видели, но ведь муки его равны и для храбреца и для труса.

Когда такой солдат после мучительных раздумий, колебаний, сомнений соглашался пойти в курсанты, для Федора наступал второй и не менее трудный этап: проверить, не потому ли дал согласие солдат, что война опустошила душу, и ему все равно кем быть, где жить. Это был тонкий, тайный, неторопливый экзамен. Внешне он напоминал обычную беседу двух фронтовиков, рассказывающих друг другу о том, что каждому из них довелось испытать на войне.

Но Федор с поразительным чутьем умел угадывать в этих беседах, понимает ли солдат пережитый им бой, заметил ли в ходе его такое, что обнаруживало в солдате военную жилку, соображение.

Напав на такого крепкого солдата, Федор буквально не отпускал его от себя. Недаром Федора прозвали в Совете «главным просителем». То он выпрашивал для будущего кандидата в курсанты подводу, чтобы тот мог

съездить домой навестить родных, то приводил к Андросову в больницу и умолял подлечить, отдавая свой паек, чтобы не было очень обременительно для больничных ресурсов кормить солдата.

В Сомовской бане он потребовал выделить специальное место в раздевалке для своих завербованных, и, случалось, Федору приходилось по два раза в день париться со своими кандидатами, продолжая разговор в парной, дабы окончательно увериться, подходит ли этот человек.

А разве легко солдату дать согласие снова стать военным, когда самым сокровенным, самым радостным для него был большевистский декрет о мире, которым он был освобожден от ада войны? А тут такой же большевик, как и те, кто подписывал декрет о мире, убеждал его отказаться от мирной жизни, от того, чтобы снова стать крестьянином, которому теперь Советская власть дала землю. Разве для этого не нужно было совершить больший подвиг, чем подняться с земли, когда немец бьет из десятков пулеметов кинжальным огнем, и мчаться с распухшим от бешеного бега сердцем навстречу пулям, когда, кажется, любая летит в тебя...

Вот почему Федор с такой любовью относился к своим курсантам и с таким отчаянием оберегал их от предложения Витола ловить бандитов или от приказов Совета нести трудовую повинность.

Когда Эсфирь, перенеся тиф, с опухшим лицом, морщинистыми веками, страдающая тяжелой одышкой, подписала приказ урезать пайки для военного училища, Федор разорвал этот приказ у нее на глазах:

— Таких, как ты, надо гнать из партии! И я добьюсь этого, слышишь, добьюсь! — пригрозил он.

Эсфирь слабо стукнула рыхлым кулаком по столу и крикнула:

— Это тебя мы выгоним из партии, и немедленно!

Подобрав с пола клочки изодранного приказа, она отнесла их к Рыжикову и потребовала созвать чрезвычайное заседание ревкома для обсуждения вопроса: об исключении Федора Зубова из партии за проявление мелкобуржуазного стяжательства и политического хулиганства, выразившегося в публичном уничтожении ревкомовского приказа, снабженного печатями Советской власти и подписями членов ревкома и исполкома Совета.

Рыжиков не стал созывать чрезвычайное заседание, но на очередном Федору дали выговор. Савич на этом заседании произнес речь, обвинив Федора в разжигании военной истерии.

— Сейчас,— заявил Савич,— только безумец может думать, что мы способны оказать хотя бы слабое сопротивление любой европейской армии, попытавшейся на нас напасть.

— Врешь! — крикнул Федор.— Солдаты, которых били вчера немцы, побили их теперь самих под Псковом. А ты был чижиком, чижиком и остался...

Савич потребовал, чтобы Федора немедленно призвали к порядку.

Рыжиков постучал крышкой от чернильницы по столу.

— Слово «чижик» отнесем за счет разболтанной нервной системы товарища Зубова. Но исторический факт остается фактом. А ты, Георгий, в своей прокурорской речи стал обвинять уже не Федора, а всех нас. Этого мы тебе не позволим. Случись сегодня война, мы все подымемся. И без всяких рассуждений о мировой революции. Мировая еще когда наступит, а русская уже есть. И мы ее будем защищать до последней капли крови.

Все поднялись и стали аплодировать Федору.

Савич обиженно буркнул:

— Эффектные фразочки!..

Федор вскочил и закричал:

— Замечание я принимаю. Но прошу и требую пайка курсантам не урезать. А ей,— Федор ткнул в Эсфирь пальцем,— я теперь политически не доверяю, раз она такой приказ подписала.— И хотя Федору закричали: «Позор!»,— он сел, понурился и, сбрасывая со своего плеча руку соседа, который пытался его успокоить, упрямо повторил: — Не доверяю, и все тут!

Со дня заседания Федор ни разу не встречался с Эсфирью. И никакие попытки Сапожковых помирить их не помогли.

Тима знал об этом и сейчас, хлебая сладкий чай из алюминиевой кружки, ждал, что Федор обязательно его спросит про Эсфирь. Но Федор не спрашивал, лицо его было усталым, скулы торчали под гладко выбритой сухой кожей, глаза глубоко запали.

Чтобы как-нибудь вывести Федора из состояния угрюмой озабоченности, Тима сказал:

— Вот, говорят, пролетариат роет могилу капитализму. А он вовсе еще не помер, капитализм. И в других странах живет очень даже хорошо. И сами вы говорите, войну против нас готовит.

— Готовит,— уныло сказал Федор.— Чего ему не готовить? Погонит на нас солдат — и всё,— и снова горячо пожаловался: — Отец твой тоже тип оказался! Назначили его комиссаром охраны народного здравия, прихожу к нему, прошу: дай медикаментов — отказал. Ну, говорю, черт с тобой, скваыга! Выдели хоть двух врачей, я при училище курсы сестер милосердия организую. Отказал. Говорит, среди медицинской интеллигенции очень сильные пацифистские настроения, никто не пойдет. А ты, говорю, мобилизуй, заставь. Стал турусы на колесах разводить: мол, привлекая на сторону Советской власти специалистов, надо проявлять в высшей степени разумный такт и действовать только путем убеждения. Интеллигент твой отец, вот кто! — И признался со вздохом: — С ним я тоже поссорился.

Тима обиделся за папу:

— С вами скоро никто здороваться не будет. Со всеми только ругаетесь.— Подумал и добавил не без ехидства: — Только курсанты, как при старом режиме, честь отдавать будут.

— Ладно, не пугай,— вдруг добродушно улыбнулся Федор. Наклонившись, спросил с горькой озабоченностью: — Ну, как, она поправляется, не заметил, а?

Понимая, о ком идет речь, Тима обстоятельно рассказал:

— Папа ей клюквенный экстракт дал для аппетита и рыбьего жира целую бутылку для питания организма. Но не умеет она его пить,

как Рыжиков велит: нос щепоткой зажать и, зажмурившись, одним духом, сразу!

— Ничего, научится,— сказал Федор.

— Я ей показывал,— сказал Тима,— а она жалуется: все равно тошнит.

— А ты ей скажи, пусть солит, соленый не так противно.

— Верно,— равнодушно согласился Тима. И вдруг поняв, что за этим советом кроется, спросил горячо: — Можно мне ей сказать, вы про соль советовали?

Федор смутился, заморгал, стал зачем-то расстегивать пояс, потом произнес неуверенно, с колебанием в голосе:

— Скажи,— и с сомнением заявил: — Что зря человеку мучиться, верно? — И вдруг стукнул рукой по столу: — Ладно, чего тут вилять. Скажешь, беспокоюсь и даже во сне вижу, какие у нее веки стали, все в морщинках. Ну, понимаешь, как у старухи, а она ведь еще молодая.— И добавил смущенно: — Только если спросит, скажешь: Федор свою принципиальную позицию насчет приказа не меняет, тут он железный.— Дернул ремень, затягивая гимнастерку так, что она растопырилась, словно туго перевязанный веник.— Ну, ступай, а то через десять минут вечерняя поверка.

Тима после некоторого колебания стыдливо попросил:

— А вы мне на память пули не подарите? — И объяснил сладеньким голосом: — У вас же их много. А если мировая революция будет, они все равно никому не нужны станут.

— Ладно, ладно, ступай,— проговорил Федор с улыбкой.— Бог подаст.— И обиженно добавил: — И ты тоже ко мне с мировой революцией пристаешь. Будет она — и хорошо, а нет — так подрастешь, придешь в курсанты проситься, а я еще подумаю: возьму или нет.

— Это почему же еще подумаете? — обиделся Тима.— Я же на бандитов ездил.

— Ездил, знаю, как ездил,— сказал ехидно Федор. Но увидев, что лицо Тимы покрылось красными пятнами, ободряюще заявил: — Я еще ничего не сказал, а ты уже в амбицию! Что ездил,— молодец. Обратно вернулся, тоже молодец. Мать оставлять в больнице одну может только жестокосердный человек. А таких я на курсы не беру, запомни. Ну, вали, вали, а то вот-вот сигнал будет.

Тима вышел из казармы, отдав часовому пропуск. Часовой наколол пропуск на штык, воровато оглянулся и вдруг, сделав Тиме на караул, скорчил рожу, подмигнул, брякнул прикладом о землю и замер с равнодушным, каменным лицом.

— Здорово! — сказал восхищенно Тима.

Но часовой даже щекой не дрогнул. Подождав, не повторит ли часовой своего упражнения, и, убедившись, что ждать бесполезно, Тима пошел к маме в больницу.

НОВЫЙ СТИЛЬ

Е. РЯБЧИКОВ

В диспетчерской

В нагорной части города, где высится памятник Алексею Максимовичу Горькому, с утра собирается много машин. И это придает площади необычную деловитость. Она особенно чувствуется у большого серого пятиэтажного здания. Тут разместился Совет народного хозяйства Горьковского экономического административного района.

Мы проходим в помещение с телефонными пультами, в диспетчерскую, и сразу попадаем в круговорот событий. Звонят телефоны: то редко и настойчиво, то деловито и отрывисто, то часто, когда вызывают далекие города. Сюда идут вести не только с предприятий экономического района, но и из других совнархозов: из Москвы, Ленинграда, Ростова, Свердловска, Киева, Новосибирска. Сегодня понедельник — начало недели. День горячий, полный хлопот.

— Да, да! Отгружают! — сообщает Ростовскому совнархозу приятную новость старший диспетчер М. Кабановский. — Что? Верно ли? Верно! Сейчас говорил с директором лесозавода. Он дает лес для ваших комбайнов в счет будущего квартала. Запомните номер баржи — 3012. Спасибо? Не стоит. Давайте дружно работать.

Инженеры-диспетчеры ведут лаконичные деловые разговоры о металле и лесе, станках и цементе, об автомобилях и гвоздях, о бумажных мешках и зубных щетках. Руководитель диспетчерской службы Н. Насокин показывает два пухлых журнала, по которым можно представить, как быстро входит в жизнь совнархоз.

— Сейчас мы провели важную операцию,— объясняет он одну из записей.— С завода имени Петровского пришло сообщение, что из-за отсутствия кокса останавливается предприятие. В другое время связывались бы с Москвой, в дело вступили бы разные министерства и главки, полетели бы телеграммы в Министерство путей сообщения с просьбой дать вагоны. Сейчас все упростилось. Мы дали указание заводам, имеющим кокс, взаимообразно выделить его нуждающимся предприятиям. Остановка завода предотвращена.

— «Красному Сормову» нужен толстый лист. Срывается план. Представьте, сколько было бы волокиты до реорганизации. Сейчас мы сами договорились с Кулебакским металлургическим заводом, чтобы из слитков «Красного Сормова» там прокатали тысячу тонн листа.

Н. Насокин раскрывает журнал «Жалобы на предприятия Горьковского совнархоза» и говорит:

— Опасались, что совнархоз займется только «местными» делами и будет срывать поставки предприятиям соседних экономических районов. Вот посмотрите...

Н. Насокин наугад открывает журнал и читает. Мы узнаем, что для Чечено-Ингушской АССР Богородская фабрика должна была отгрузить несколько тысяч палаток, но задание сорвано. Пришла жалоба. Горьковский совнархоз немедленно вмешался в дело — в Богородск отправился представитель совнархоза. Выяснилось: задержка в лесе. Были приняты срочные меры. Разинский леспромхоз дал лес, Ветлужская сплавная контора доставила его водой, и теперь фабрика уже покрывает свой долг Чечено-Ингушской АССР. Или вот история с Челябинским лакокрасочным заводом, который срывал план поставки нитроэмали для автозавода. Разобрались. Оказывается, химический завод не отправил нужные материалы в Челябинск. Выехали на место и все уладили.

Штаб и его актив

Люди, работающие сейчас в совнархозе, хорошо известны горьковчанам, и выдвигали их, можно сказать, всенародно: на рабочих собраниях, заседаниях партийных бюро, на открытых партийных собраниях.

Председатель совнархоза Н. Смеляков вырос на заводе «Красное Сормово». Был тут мастером, начальником цеха, главным металлургом, директором, затем стал министром. Его первый заместитель Г. Веденяпин был помощником паровозного машиниста, потом механиком, без отрыва от производства окончил в Ленинграде политехнический институт и 20 лет назад начал работать на Горьковском автозаводе инженером в цехе, затем стал директором ГАЗа. В совнархоз он пришел с поста директора московского института. Другие заместители председателя совнархоза, начальники главков тоже прошли большую заводскую школу. Но главная сила совнархоза — его актив, рабочие, инженеры, конструкторы, которые в порядке общественной работы помогают ему.

При совнархозе создан совещательный орган — технико-экономический совет с 15 секциями. В них входят руководители заводов, специалисты, деятели науки, передовики производства, партийные, профсоюзные и комсомольские работники.

Во вторник собирается инструментальная секция. Первым появился здесь седовласый, невысокого роста человек — П. А. Камышев. Пока подходят остальные, он с жаром говорит мне о больших планах, о такой реорганизации производства инструмента, после которой заводы облегченно вздохнут, а страна получит сотни миллионов рублей экономии.

Камышеву 60 лет. Отец его, строгальщик Сормовского завода, брал сына с собой в цех еще мальчишкой. Был Павлуша учеником слесаря, лекальщиком, а когда строился вблизи села Монастырки автозавод, сормовский рабочий коллектив направил опытного мастера на ГАЗ. Мастер лекального отделения, старший мастер... Без отрыва от производства окончил институт, ездил в Англию и Америку, работал на фордовских заводах. Четверть века назад П. А. Камышев вступил в Коммунистическую партию. Теперь его знают инструментальщики всей страны как крупнейшего специалиста, автора выдержавшей несколько изданий книги «Профильное шлифование».

Инженеру П. А. Камышеву поручили в порядке общественной работы вести в совнархозе инструментальную секцию.

Все в сборе. Разговор идет о деле: надо без дополнительных капитальных затрат расширить выпуск инструмента. Горячо выступают рабочие, инженеры. В резолюции подведен итог. «Красное Сормово» за счет внутренних ресурсов будет выпускать 50 тысяч токарных резцов в месяц; автозаводцы — 27 наименований режущего, мерительного инструмента и приборов; завод «Двигатель революции» согласился изготавливать 7 наименований инструментов.

— Предприятия нашего экономического района,— поясняет мне П. А. Камышев,— получают иногда инструмент от заводов, отдаленных на тысячи километров. Жить в «лихорадке», «выколачивать» сверла, резцы, плашки больше нельзя! Мы создадим свою инструментальную базу и получим в год более миллиона штук инструментов тридцати семи наименований.

И так во всех секциях. На заседания приходят рабочие, инженеры, спорят, бывает, и ссорятся, до ночи обсуждают предложения, чтобы затем передать их на утверждение технико-экономического совета.

В пятницу я был на заседании совета. Большой зал полон. Присутствует цвет технической интеллигенции города. Единогласно утверждаются рекомендации инструментальщиков и научно-исследовательской секции о существенных переделках разработанных проектов новых автомобилей. Принимается предложение о сокращении встречных перевозок металлов, поковок и штамповок.

Среди решенных проблем выделяется одна, и о ней следует сказать особо. На протяжении многих лет вырубались леса, чтобы отоплять котельную Балахнинского бумажного комбината. Миллион кубометров в год! Между тем всего в нескольких километрах от комбината — большая тепловая Балахнинская электростанция. Тепло ее не использовали.

Годами велись переговоры между министерствами, выносились решения, но получалось так, что Министерство лесной и бумажной промышленности СССР не находило возможным проложить трубопровод и продолжало изводить леса для «своей» котельной. Более того, были ассигнованы средства для строительства новой котельной. Намечалась большая программа вырубки и сплава леса для этой котельной.

Члены совета единодушно поддержали предложение секции энергетики и топлива: прекратить проектные и строительные работы по котельной, немедленно соорудить небольшой теплопровод от электростанции к бумкомбинату и картонной фабрике.

Мой сосед, седовласый инженер, тут же подсчитывает: будут сохранены огромные площади лесов, используется пар электростанции, бумажная промышленность района получит в изобилии тепло, а государство сэкономит сотни миллионов рублей.

...Заседание совета закончилось. Люди разъезжаются по домам. Прощаясь, П. А. Камышев говорит мне:

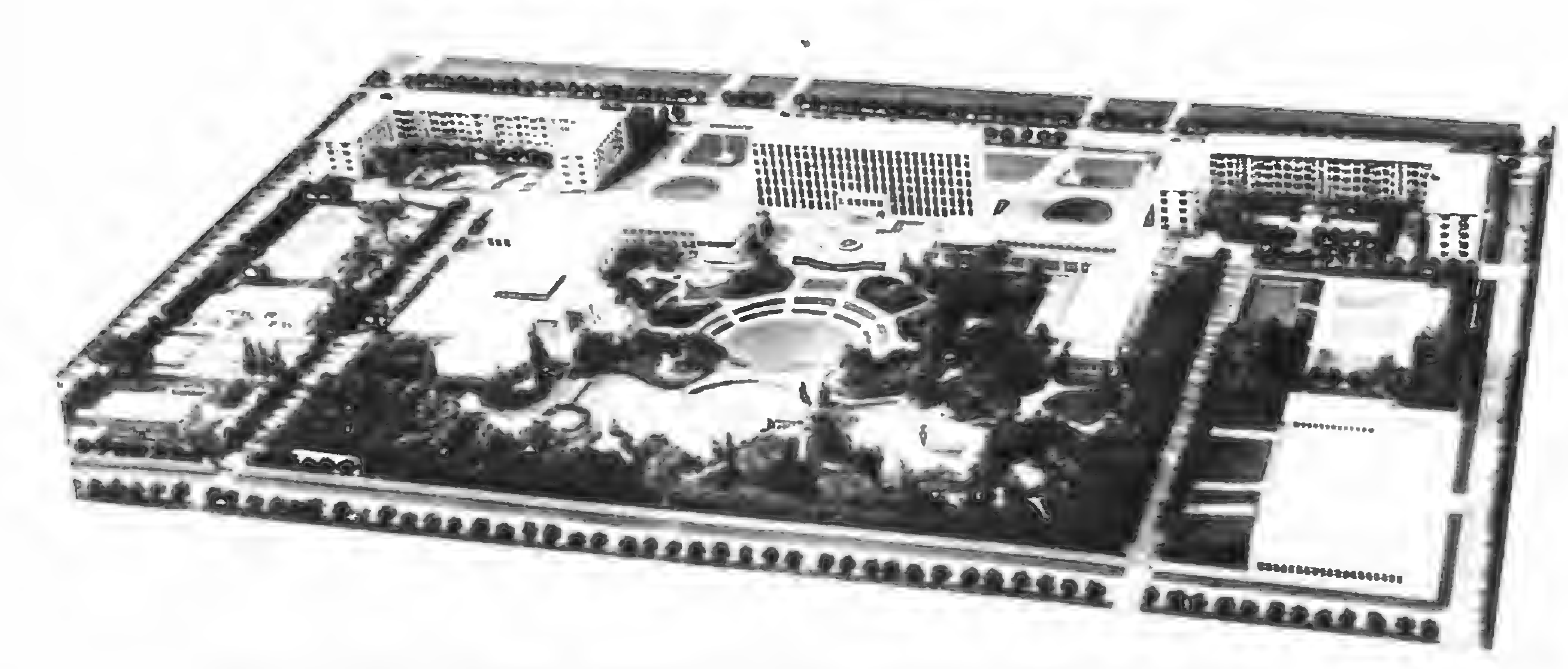
— Поеду на завод, порадую инструментальщиков: решение о производстве инструмента принято! Теперь заживем! Реорганизация — большое дело. Открыта вольная дорога для инициативы от станка, от рабочего места инженера и конструктора до совнархоза. Видели, как все быстро решили? Новый стиль работы...

Инженер П. А. Камышев.

Фото автора.

СТРОИТЕЛЬСТВО ЗДАНИЙ КИТАЙСКОГО ПОСОЛЬСТВА В МОСКВЕ

Проект новых зданий посольства КНР в Москве. Вид со стороны парка.

Член-корреспондент Академии строительства и архитектуры СССР В. С. АНДРЕЕВ

Из Пекина вернулся член-корреспондент Академии строительства и архитектуры СССР В. Андреев. В столице КНР он согласовывал проект строительства комплекса зданий китайского посольства в Москве. Проект этот разработан В. Андреевым совместно с архитектором К. Кисловой и инженером Л. Гохманом.

— Мы уже не «новички» в совместной деятельности с китайскими товарищами, — сказал нам В. С. Андреев.— По проектам, выполненным нашей творческой группой, построены здания Советской выставки в Пекине и Дворца советско-китайской дружбы в Шанхае. Поэтому мы с особой радостью взялись за новое почетное поручение.

Ансамбль, который вырастет в юго-западном районе, по соседству со зданием МГУ на Ленинских горах, займет обширный участок площадью более десяти гектаров. Здесь московские строители воздвигнут группу симметрично расположенных зданий, обращенных к университету. Среди них семиэтажный административный корпус длиной почти в 90 метров, корпус парадных приемов, клуб, гостиница, детский сад, ясли и т. д. В административном корпусе будут сосредоточены все помещения, необходимые для отправления дипломатических и консульских функций. Непосредственно к этому зданию примкнет корпус приемов, с несколькими парадными залами (один из них вместит более тысячи человек), гостиными, эстрадой, зимним садом. Отдельный небольшой зал предназначается для различных выставок.

В ансамбль зданий включены жилые корпуса. Здесь поселятся сотрудники посольства КНР. На озелененных дворах — водоемы, беседки, спортивные и детские игровые площадки. В помещении клуба к услугам сотрудников посольства зимний спортивный зал, столовая с китайской кухней, библиотека, комнаты отдыха.

Для приезжающих из Китая сооружается комфортабельная гостиница.

Запроектирован в духе своеобразной китайской садово-парковой архитектуры тенистый ландшафтный парк с террасами, водоемами, искусственными холмами, беседками. Он раскинется на площади в 2,5 гектара.

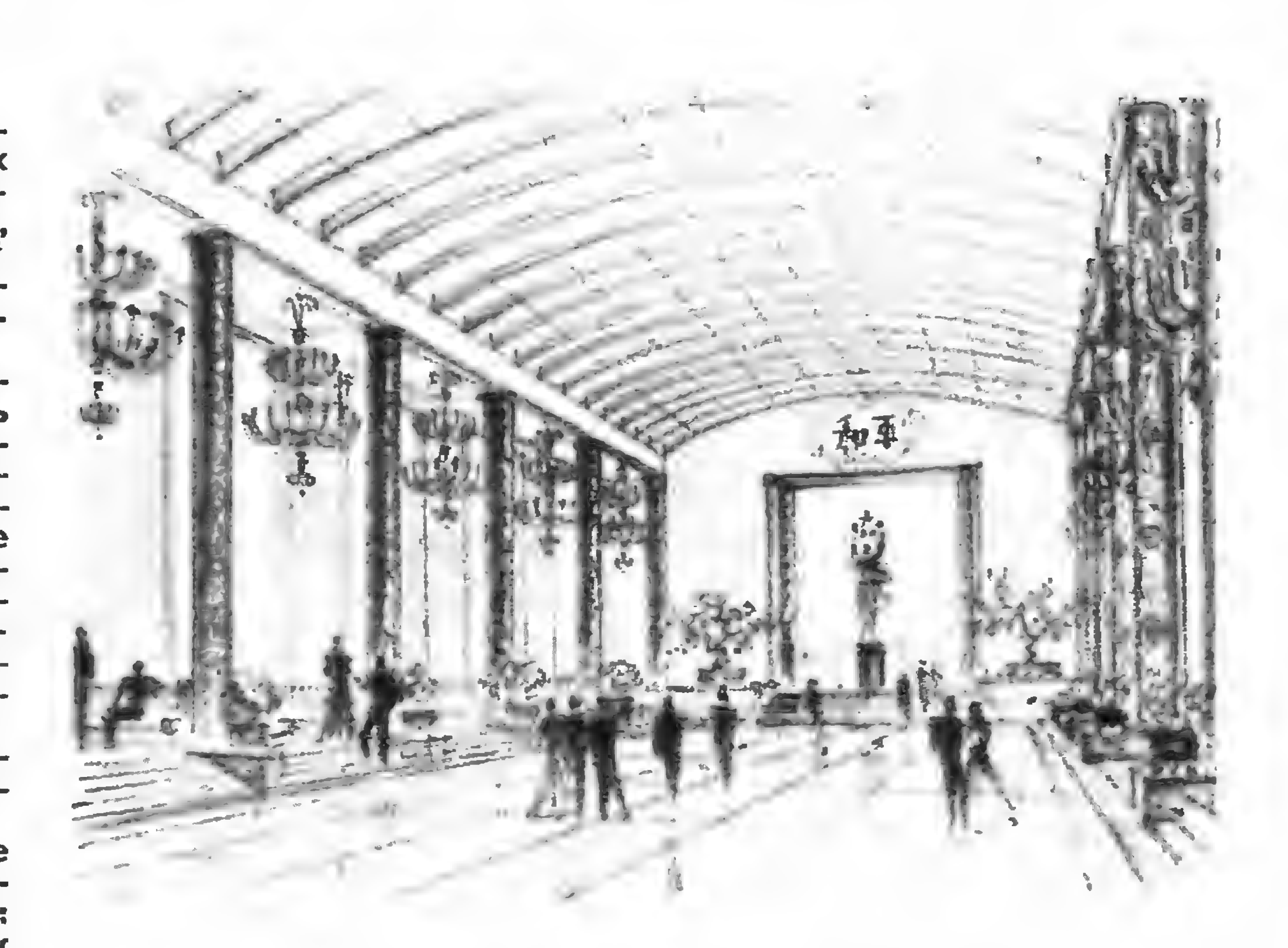
Для сооружения зданий китайского посольства намечено широко использовать индустриальные конструкции. Вместе с тем будут учтены традиционные мотивы и приемы китайского зодчества. В этом отношении нам оказали помощь специально приезжавшие в Москву китайские архитекторы Тун Цзынчжунь и Фан Бо-и.

При отделке административного здания, корпуса приемов, клуба предполагается широко использовать материалы, свойственные архитектуре Китая, в частности орнаментованные витражи, цветную майолику и т. д. Рука об руку с советскими строителями над отделкой зданий будут трудиться китайские художники и мастера декоративного искусства. В устройстве зимнего сада и парка, видимо, примут участие китайские садоводы.

После того, как проект был предварительно обсужден Архитектурно-строительным советом Москвы и одобрен Исполкомом Моссовета, мы отвезли его на просмотр в Пекин. Ведущие китайские архитекторы и инженеры, руководящие работники Министерства иностранных дел КНР, общественные деятели, депутаты Всекитайского собрания народных представителей, подробно, во всех деталях, изучив материалы, дали проекту положительную оценку. Вместе с тем они высказали ряд ценных предложений, несомненно, способствующих улучшению проекта.

Уже после возвращения в Москву я получил сообщение, что Государственный Совет Китайской Народной Республики одобрил представленный нами проект.

Строительство зданий китайского посольства начнется в ближайшие месяцы. Предстоит сделать немало — объем всех сооружений составит более 150 тысяч кубических метров. Мы хотим надеяться, что парадный прием в честь 10-й годовщины КНР состоится уже в новом здании посольства на Ленинских горах. Это значит, что все работы должны быть завершены к октябрю 1959 года.

Один из залов корпуса приемов.

Рис. В. Андреева.

Поиски новых антибиотиков

В Академии медицинских наук имеется специальный институт, где ученые занимаются поисками новых антибиотиков. Здесь мы познакомились с профессором В. А. Шориным, который руководит одним из основных отделов института. Он рассказал нам о поисках новых антибиотиков.

— Это очень сложный процесс,— говорит Виталий Александрович.— Институт получает почвы со всех концов СССР. В почвах живет множество различных микробов. Они выделяют вещества, действующие на болезнетворные микроорганизмы. Это и есть антибиотики, которые могут убивать или прекращать размножение возбудителей болезни.

Нам показали специальные сосуды (чашки Петри), заполненные питательной средой с еле заметными ниточками, протянутыми вдоль сосуда. Это посевы почвенных микробов. Если в них содержится антибиотик, то возбудители болезней погибают. Тогда ученые выделяют обнаруженный антибиотик и пробуют его действие на зараженных животных. Только после того, как ученые убедятся, что новое лечебное средство абсолютно безвредно для организма в целом, они передадут его в клиники.

— Какие новые антибиотики изготовил коллектив вашего института?

— Последний антибиотик, выпущенный нашим институтом в практику,— колимицин. Сейчас он испытывается для лечения различных заболеваний. Это — сильное средство. Оно убивает такие микробы, как синегнойная палочка и некоторые другие, на которые до сих пор не действовали никакие препараты.

Но наиболее интересны работы В. А. Шорина и его сотрудников по изысканию противораковых антибиотиков. Перед учеными-медиками всего мира стоит важная и почетная задача — найти действенное средство против рака.

Вот здесь-то и могут оказаться полезными антибиотики. Дело в том, что они способны действовать не только на вирусы и микробы, но влиять и на отдельные звенья обмена раковой клетки.

Виталий Александрович показал нам искусственно зараженных раком мышей с большими опухолями. Затем мы увидели мышей, у которых когда-то были такие же опухоли, но после введения антибиотика они значительно уменьшились.

Ученый пояснил, что есть вещества, действующие не только на опухоли, но и на весь организм. Если их ввести, например, в организм молодых мышей, зараженных раком, то прекратится не только рост опухоли, но и рост мышей. Есть и другие вещества: они задерживают лишь рост животных, а не раковой клетки. Но имеются антибиотики, которые действуют только на раковые клетки. Вот такой ценный препарат и изучается сейчас в институте.

В лаборатории профессора Шорина исследованием этого средства занимается кандидат медицинских наук Ольга Константиновна Россолимо. Она проверила несколько сот антибиотиков, испытывая их противораковое действие. Из всей этой массы отобрано несколько препаратов, которые находятся в стадии экспериментального изучения.

— Не следует, однако, думать,— говорит Виталий Александрович,— что антибиотики смогут быстро излечивать злокачественные опухоли. Новые средства не смогут действовать так эффективно, как, скажем, пенициллин при воспалении легких. Однако даже если наши поиски закончатся хотя бы некоторым облегчением страданий, замедлением роста опухоли, то и тогда мы получим большое удовлетворение.

М. АМШИНСКИЙ

НА ПОРОГЕ СТОЛЕТИЯ

Борису Яковлевичу Букрееву девяносто восемь лет, но он еще бодр, заведует кафедрой геометрии государственного Киевского университета имени Т. Г. Шевченко, руководит подготовкой дипломантов, читает лекции.

Голубые глаза его видят уже плохо, читает он с лупой, но так же, как и 68 лет назад, готовится к каждой лекции. В этом году для 4-го и 5-го курсов он читает специальный курс «Планиметрия Лобачевского в аналитическом изложении», а первая лекция на этой же кафедре была прочитана им в 1889 году.

Его стараниями при кафедре восстановлен кабинет геометрии с редкой коллекцией геометрических моделей и библиотекой. Все это погибло во время Отечественной войны, когда фашисты подожгли Киевский университет.

Борис Яковлевич не оставляет и научной работы. В 1947 году он издал на украинском языке книгу «Планиметрия Лобачевского в аналитическом изложении», которая в дальнейшем была им дополнена и переведена на русский язык. В настоящее время он работает над третьим ее изданием.

Борис Яковлевич сам окончил Киевский университет, где еще на 3-м курсе получил на конкурсе большую золотую медаль.

Заслуженный деятель науки УССР Борис Яковлевич Букреев награжден орденом Ленина.

Н. ПАВЛОВИЧ

ОБ ОДНОМ ОЧЕРКЕ А. И. КУПРИНА

Л. НИКУЛИН

В июне месяце этого года в Париже, незадолго до возвращения в Москву, я много думал о предстоящей мне одной встрече.

Все, что хотелось снова увидеть в Париже, я увидел, еще раз побывал во всех памятных, любимых уголках чудесного города, лучшего из того, что создано французским народом, его разумом и дарованием.

Остались считанные дни до отъезда. Предстояла встреча, которая, надо сказать, несколько волновала. Я взял телефонную трубку, назвал номер, услышал негромкий женский голос, и сразу переходя на русский язык, спросил:

— Ксения Александровна?

— Да,— ответил мне голос, и в нем чувствовалось некоторое удивление. Тогда я объяснил, кто я, и сказал о желании встретиться с Ксенией Александровной Куприной, дочерью писателя Александра Ивановича Куприна, обитающей в Париже.

— Приезжайте, когда хотите,— очень просто ответили мне,— метро «Сталинград», улица Акведук.

То, что эта улица была вблизи станции метро «Сталинград», станции, которая носит имя славного города, как-то обнадежило и порадовало. Я спустился в душную мглу парижского метрополитена и вышел на станции, которая оказалась совсем обычной, похожей на десятки других, отличающейся от них только гордым своим именем. Я прошел под аркой путепровода, отыскал обычную улицу окраины Парижа, прошел небольшой дворик внутри дома, поднялся на пятый этаж. Мне отворила дверь женщина, сохранившая стройность фигуры и привлекательность. Казалось, внешне в ней не было ничего схожего со знакомым мне обликом Александра Ивановича, которого я видел однажды, полвека назад, в юношеском моем возрасте. Вглядываясь в лицо дочери Куприна, в женственный, привлекательный ее облик, озаренный доброжелательным, теплым взглядом больших, как бы светящихся глаз, я понял причину успеха тех фильмов тридцатых годов, в которых участвовала Ксения Куприна.

Мы прошли в небольшую комнату скромной квартирки. У меня не было ощущения, будто я говорю с выросшей на чужбине эмигранткой, которую в детстве увезли из России. А между тем так оно и было: дочь Куприна тридцать восемь лет прожила во Франции и сохранила чувство любви к родине, интерес к тому, что происходит в стране, где она родилась.

Потом мы заговорили об отце Ксении Александровны (которую он называл Аксиньей), о детских ее годах в Гатчине под Ленинградом — тогда Петербургом, — и все, что рассказывала дочь писателя, было проникнуто то теплотой и юмором, то печалью и даже гневом, когда Ксения Александровна говорила о пренебрежении, черствости, равнодушии окружающих и о тех трудностях существования, которые испытал ее отец на чужбине.

Передо мной письма, написанные Иваном Алексеевичем Буниным. Одно адресовано Елизавете Маврикиевне Куприной, жене Александра Ивановича. Помечено письмо — Грас, Приморские Альпы, 12 декабря 1929 года. Бунин пишет:

«...Нынче был у Мережковских в Cannet — они в ужасе, что будет пропущен срок ходатайства перед французами на счет продления нам денежной помощи, и кричали на меня, чтобы я немедленно написал Вам и Александру Ивановичу, просил Вас телефонировать в Министерство иностранных дел по этому поводу... помогите, дорогая, и нам, и себе!»

Сколько горечи, тревоги за завтрашний день, страха перед надвигающейся нуждой в этом письме!

Письма написаны на листках из блокнота, на открытках и carte-lettre, как называются в Париже бланки для пневматической почты. В известной степени эти письма отражают отношения между двумя русскими писателями. У Бунина и Куприна сложные, страстные, что называется, «ершистые» характеры. В воспоминаниях Бунина о Куприне, написанных в 1939 году, читаешь:

«Странно вообще шла наша дружба в течение целых десятилетий: то бывал он со мной нежен, любовно называл Ричардом, Альбертом, Васей, то вдруг озлоблялся, даже трезвый: «Ненавижу, как ты пишешь, у меня от твоей изобразительности в глазах рябит. Одно ценю, ты пишешь отличным языком, а кроме того отлично верхом ездишь...»

Все-таки это была большая, хорошая дружба, и еще одно доказательство — коротенькое письмецо Бунина к Куприну:

«Дорогой Александр Иванович, окажи услугу, напиши: как называются в цирке эти люди в ботфортах и камзолах, что становятся в два ряда возле выхода из-за кулис, когда вылетает оттуда лошадь и что напр. могут они тащить на арену перед тем, как на нее выкатят клетку со львом, который должен будет... что делать? Прыгать в горящие круги, что ли? Целую тебя, супругу и дочку очень сердечно. Твой Ив. Бунин».

Это — обращение к другу за помощью в работе, обращение большого писателя, которому нужна, может быть, только деталь, притом точная, из той области жизни, которую он мало знает.

Об этом мы беседовали в скромной комнатке дочери писателя, а передо мной лежали рукописи, черновые наброски, переписка, семейные фотографии, портреты Александра Ивановича, его архив, реликвии, отражающие его жизнь на родине и на чужбине.

Я всматривался в портреты Куприна. Таким я видел его в начале века — плотного сложения, загорелого, с узенькими щелками глаз и вызывающей усмешкой, видел в квартире известного на юге журналиста, редактора «Одесских новостей» Петра Титовича Герцо-Виноградского. Гостеприимный хозяин собирал у себя самых разнообразных людей: от Александра Ивановича Куприна, замечательного спортсмена Сергея Уточкина, знаменитого баритона итальянской оперы Жиральдони до юного, начинающего поэта... С тех пор прошло полвека.

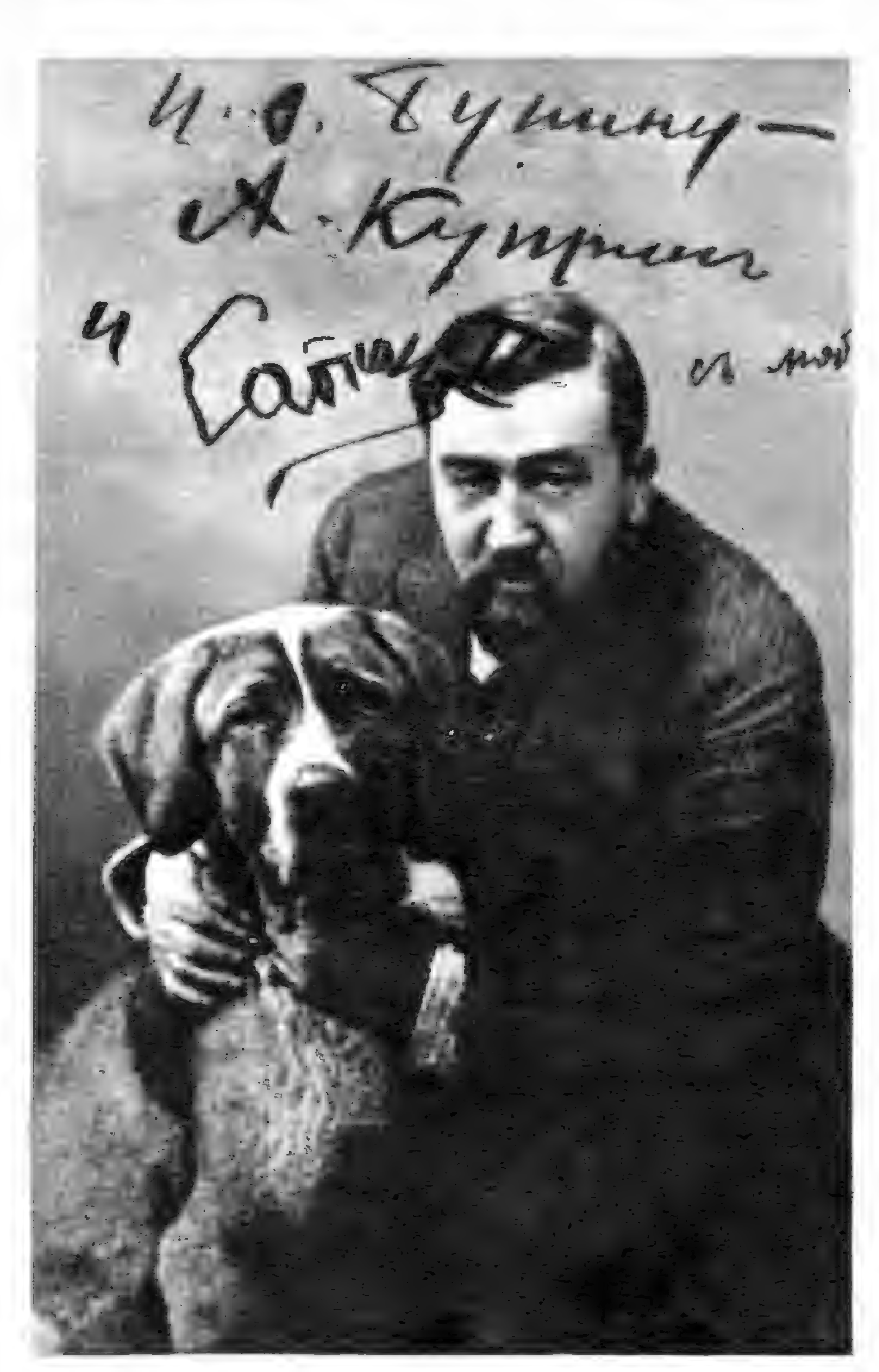
Куприн часто говорил о своем татарском происхождении: он гордился этим происхождением, даже подчеркивал его в своей внешности, иногда надевая татарскую шапочку, но редкий писатель так владел русским «метким и без излишества щедрым языком» — как писал о Куприне Бунин.

После этой встречи мы виделись с Ксенией Александровной Куприной еще не один раз.

Я услышал из уст дочери писателя рассказ о том, как в 1919 году, по совету ее преподавателя немецкого языка, Александр Иванович перевел трагедию Шиллера «Дон Карлос». В другой раз Ксения Александровна передала мне оттиск рассказа ее отца «Жанетта»,— впрочем, это скорее повесть, где с глубоким проникновением в психологию передана судьба русского ученого, его одиночество на чужбине.

Мы простились с дочерью писателя накануне моего отъезда из Парижа, пожали друг другу руки в надежде новых встреч, кто знает, может быть, на родной земле.

Русские в Париже, из тех, кто сохранил любовь к родине, с большой отзывчивостью помогали собирать произведения выдающихся русских писателей, десятилетиями живших во Франции. Таким образом в мои руки попала подлинная рукопись А. И. Куприна — очерк об известном русском коннозаводчике Н. В. Телегине. Ведется очерк от лица известного бегового наездника Николая Черкасова.

А. И. Куприн с собакой Сапсан 2-й. Редкий снимок — 1912(?).

А. И. Куприн

РЫЖИЕ, ГНЕДЫЕ, СЕРЫЕ, ВОРОНЫЕ

Н. В. Телегин

Об этом замечательном человеке Н. Черкасов рассказывает с увлечением и почти благоговейно. Да и трудно было бы найти во всей истории русского рысистого спорта другую фигуру охотника, коннозаводчика и лошадиного знатока, хоть издали похожую на облик Николая Васильевича.

Если кто полюбит по-настоящему наше конское дело, то уж это навсегда, на веки веков. Отстать нельзя. Можно бросить вино, табак, азартную игру; женщины от тебя сами рано или поздно отвернутся. Но истинного любителя прекрасный вид лошади, ее могучее ржание, ее стремительный бег, ее чистое дыхание, ее бодрый запах будут волновать и тревожить неизменно до глубокой старости, до самой смерти, и я даже полагаю, что и после нее.

Николай Васильевич с детства жил около лошадей. У отца его, отставного ротмистра, был свой завод в Курской губернии. Не очень большой, но заботливо поставленный. Расширить дело старик Телегин не мог. Богаты Телегины были только древними дворянскими предками: да, может быть, и не хватало энергии в возрасте уже преклонном.

Молодой Телегин с детства предался страсти к лошадям, и глаз на них природа ему отпустила самый проницательный, так же, как и тонкое понимание лошадиной души и характера. Вы скажете: это немудрено приобрести, живучи на конском заводе? Нет, умение вникать в лошадь — это особый дар, который дается при рождении самой судьбою, подобно дару музыки, живописи и физической силы. Да, вот вам пример: родной брат Николая Васильевича. Тот знал только, что у лошади четыре ноги, голова, хвост и морда и что лошадь ест овес и сено и быстро бегает. А больше ничего не знал. Корова, лошадь, овца, свинья ему были одинаковы: хозяйство — и никакой фантазии.

Николай Васильевич, по строению ума и настойчивости, мог бы сделать себе большую карьеру в любой отрасли; легко бы мог стать доктором, адвокатом, инженером или пойти по дипломатической части. Однако лошадь взяла верх. И прекрасно сделали: — молодой Телегин, что послушался своего призвания, а отец, что не противился душевному влечению сына. И вскоре старик, хоть и не без некоторого возмущения, должен был сознаться, что молодой отпрыск пойдет далее его.

Надо сказать, что их завод вел главным образом вороную масть. Не знаю, было ли это пристрастие наследием от предков, или старый Телегин, будучи гвардейским кавалеристом, служил в полку, ездящем на вороных конях. Но он от этой любимой масти не отступал.

Конечно, вороные кони очень хороши, когда выступает целый эскадрон этих красавцев под всадниками в полной парадной форме, с трубачами впереди. Слова нет, очень нарядны они и в городской шикарной упряжке, при желтой, скажем, сбруе. Но скаковые и беговые знатоки этой горячей масти не очень доверяют. Впрочем, насчет мастей есть у арабов недурная сказочка.

Два араба, отец и сын, наделали каких-то бед во враждебном племени и должны были спасаться как можно скорее. Поехали они. Сын был совсем молодой. Не трус, однако от непривычки к подобным переделкам невольно волновался и торопил лошадь. Отец ему говорит: не спеши, береги коня. Придержи его. Будет погоня.

Через некоторое время, и правда, послышался сзади конский топот, видна стала пыль. Сын загорячился, а отец ему:

— Не бойся понапрасну. Обернись назад. Не увидишь ли, какой масти лошади?

Сын поглядел и говорит: «Вороные».— «Ладно, натяни поводья. Вороные скоро пристанут».

Скачут дальше. Через небольшое время отрок снова тревожится:

— О, отец! Слышится мне, погоня уже гораздо ближе.

— Будь спокоен. Погляди назад. Какие?

— Караковые, отец мой.

— Не торопись. Этим не догнать. Отдай лишь чуть-чуть повода.

И в третий раз сын восклицает:

— Отец, отец! Погоня близка. Вижу уже и лица всадников.

— Масть?

— Серая.

— Еще не время. Надо беречь коней до последней минуты. Отпусти поводья, но держи крепко.

Наконец, топот стал слышен уже настолько близко, что сам эффенди оборотился.

— Вижу,— сказал он,— рыжих и гнедых. Это настоящие лошади. Дай коню шпоры, сын мой, и — Аллах акбарг. Бог велик.

Сам старший Телегин в те дни уже не мог отдавать всего своего времени и всех забот заводу, ибо от паралича отнялась у него вся правая половина тела. Передвигался он с великим трудом, не выпуская из здоровой руки костыля, а больше его возили в легонькой колясочке. Сидя в этой-то коляске, он все-таки каждый день смотрел из окна на проводку и проминку, а как что бывало не по нем, стучал костылем о пол.

Вот как-то раз он и дознал, что в Орловской губернии на заводе у Потебни продаются отличные жеребцы на племя. Не то чтобы призовики, но высоких кровей; есть и молодые. И вовсе недорого. Ликвидирует хозяин дело.

Позвал он сына.

— Ну, Николай, тебе уже 19 лет стукнуло. В лошадях ты толк мало-мало знаешь. Теперь тебе пришло время оправдать себя. Надо нам на заводе кровь подновить. Поезжай к Потебне за жеребцом. Смотри: вся будущность телегинского завода в твоих руках. Эх, жаль, что сам не могу поехать с тобою, обезножел. Но тебе верю. Полагаюсь не так на твои знания, как на твое сердце. Ступай. Вот деньги. Особенно не скупись, если приметишь что ладное.

* * *

Отправился Николай Васильевич. Приехал на завод. Хозяин знал его по отцу, встретил радушно, все честь честью. На другой день стали молодому Телегину выводку показывать. Удивительные лошади: статьи и высокородность первейшие. Но вот вывели одного серого, немного мышастенького жеребчика, так лет пяти — шести. Тут у Телегина и сердце зашлось. Ничего подобного он не только наяву, но и во сне не видел. Совершенная красота! Просто сказать: влюбился он в эту лошадь с первого мгновения, с первого взгляда, так же, как, вот юноша вдруг влюбляется в девушку. Много их, прекрасных девиц на виду: пятьдесят, сто... А сто первая уж так мила, что за нее жизнь отдать—одно удовольствие.

Однако и признака не показал своего восторга, потому что в лошадино-охотничьем деле простота — качество совсем никуда не годное. Интересовался Николай Васильевич больше как будто бы вороными. Это, впрочем, никого не удивляло: всем было известно, что хотя на телегинском заводе немало хороших лошадей всяких других мастей, но главное предпочтение отдается вороным. Когда же Потебня стал расхваливать своего серого жеребчика, то Телегин изобразил на лице полное равнодушие. Говорил что-то сомнительное о почке, о ганашах, о путовом суставе. Потебня думал про себя: «Молод еще, неук».

Но врезался серый жеребчик до того в воображение Николая Васильевича, что тот и сон и аппетит потерял. Купить? А что отец скажет? Нарочно затянул срок отъезда. Каждый день ходил смотреть проводку, проминку, прикидку, нарочно, чтобы еще хоть глазком на своего возлюбленного взглянуть.

Под конец решился: «Что бы там со мной ни сталось — куплю жеребца. Хуже смерти на свете ничего не может случиться. Да ведь и не съест же меня отец?..» Отчаянный он вырос юноша, дерзновенный. Характер-то у старика Телегина был — ого-го!

Однако пора уж было и собираться домой. Хорош гость в гостинку,— есть такая неглупая пословица. Телегин сказал хозяину:

— Присмотрел я у вас двух — трех лошадок. Но без отца не смею решиться, боюсь маху дать. Вот отдам подробный отчет папаше, и уж там как ему заблагорассудится, так, значит, и будет.

И потом, как будто вскользь:

— Серого вашего жеребчика, стальноватого, я бы, пожалуй, у вас купил. Не для завода — вы сами знаете, что папа больше вороными интересуется,— а, признаться, для самого себя, для собственной забавы. Красив он в одиночной запряжке будет. Если сходно, я сейчас бы и выложил наличными.

Но Потебня в лошадях тоже был великий дока. Стали они ладиться. Телегин, хоть и мальчик почти что, но торгуется кремнем. Кончилось тем, что отдал Николай Васильевич все деньги, которые ему ассигновал отец, да еще остался должен полторы тысячи. Известно: раз отчаянный человек закутил вовсю, то ему уж битой посуды не считать. Да и за такую плату никогда не отдал бы Потебня жеребца, если бы не крайность: сын у него служил

лейб-гвардии в гусарском полку, самом дорогом изо всей гвардии. Дело молодое, зарвался: промотал кучу денег, влез в векселя, пришлось так, что только три выхода: либо выходи из полка, либо пулю в лоб, либо расплачивайся. Потебня считал, что почти даром серого отдал.

Во всю дорогу, когда везли и вели лошадь, Телегин от нее не отходил. На конюхов не полагался. Да и не мог вдосталь надышаться на свое сокровище.

Домой пришли к вечеру. Николай нарочно растянул время до сумерек. Да еще провел лошадь по задам: огородами да по-за сараями. Все опасался: неровен час отец из окна выглянет.

Пришел к отцу. Поздоровался.

— Привел?

— Привел, папа.

— Ладно. Завтра утром пусть выведут. Спокойной ночи.

Ну какая там спокойная ночь, когда сердце бьется, как овечий хвост?

Настало утро. Старик велел себя снести на крыльцо, чтобы лучше видеть. Уселся, подбородком на костыль оперся. Сын рядом.

Вывели. Серого жеребца. Старик от гнева и изумления сначала онемел. Никак не мог раздохнуться. Кровь ему в голову бросилась, и глаза наружу вылезли. Потом прохрипел через силу:

— Это что же за чучело? Серое? Откуда?

— Тот самый жеребец, которого я купил у Потебни. Поглядите, статьи-то какие?

— Я же тебе приказывал вороного! Как ты посмел меня ослушаться?

— Да ведь, папа, лучше этой лошади на всем свете нет... Поглядите статьи.

Тут старик вовсе взбесился. Метнул в Николая Васильевича костылем на манер, как Грозный Иоанн в своего сына. Попал-то он попал, но, слава богу, костыль был без острого наконечника, а удар старческий, слабый.

— И не смей мне никогда на глаза показываться! А этого пестрого урода татарам на махон продать.

Однако недолго оставался Николай Васильевич в немилости. Старик отходчив был. Посылает наконец за сыном. Тот пришел, глаза долу, знает, что глубоко папеньку обидел.

— Становись, бунтовщик, на колени! Проси прощения!

Тот опустился перед стариком на колени.

— Прости,— говорит,— дорогой папочка. Как увидел я этого жеребца, так сразу с ума сошел. Главное — статьи...

Тогда обнял старый Телегин сына за голову, притянул к себе, поцеловал в лоб.

— И ты меня прости. Ладно уж, признаюсь тебе, что на твоем месте и я бы не утерпел, нарушил бы родительскую волю, хотя скажу тебе, что дедушка твой был раз в десять меня покруче и на руку совсем не легок. Я вот все это время на серого любовался, и с каждым днем он мне все больше и больше нравился. Правда твоя — статьи. Во многих, многих лошадях я Сметанкины черты подмечал и угадывал, а это точно родной сын Сметанки. Небось, должен остался? Потебня ведь знаток.

— Полторы, папа.

— Дешевле репы. Ну вот: чтобы свою грубость загладить, дарю тебе эту лошадь, и будешь ты вместо меня всем заводом заведовать. Вижу я, вижу, что вознесешь ты высоко нашу беговую фамилию.

Жеребец же этот был не кто иной, как знаменитый Могучий. Ну-ка подите спросите о нем старинных беговых завсегдатаев. При одном имени прослезятся. От него и пошел знаменитый Телегинский завод. Какие лошади «Ирис», «Прости»!.. И ведь дожил, дожил-таки старик Телегин до той поры, когда слава о телегинских лошадях пошла по всей России.

Когда старый Телегин скончался, то разделился Николай Васильевич полюбовно с братом. Себе оставил завод, брату — деньги, дома, землю. Тот до конца дней своих так и не мог понять, что это такое за особенное животное — беговая лошадь...

Повел после смерти отца Николай Васильевич свое заводское и беговое дело на широкую ногу. Блестяще его поставил. Конюхи про него говорили: «Не иначе, как он слово знает». Знать-то он знал, но вовсе не рыбье слово, а для него, как в открытой книге, была понятна каждая капля крови в жилах каждой лошади. Уж он как мудрец, как профессор знал до тонкости, какую каплю с какой соединить для получения великолепной беговой лошади. И нельзя сказать, как говорили иные завистники, что ему «везло». Нет! Только труд, знание, опыт, любовь к делу... Ну, и дар, понятно.

Другие конезаводчики и владельцы обычно докладывали крупно, а то прогорали. А вот Телегин на одних призах себе крупное состояние сделал. Лошадей же своих не любил продавать. Говорил: «Ну зачем я продам лошадь, если мне жалко? Как расстанешься, если я ее еще как утробного жеребенка любил? Это как матери отдать одного из сыновей в солдаты. Какого отдашь? И Сенюшку жалко, и Колюшка мил, и Петенька больно утешен. А мне зачем? Слава богу, одет, обут, сыт. Двух обедов не съем, двух штанов на себя не напялю»... И очень часто из этой ревнивой жалости отказывал он очень выгодным покупателям. А давали ему иногда за жеребенка-двухлетка до сорока тысяч тогдашними золотыми расейскими рублями — целую гору.

Был раз такой случай. Поставила на московском ипподроме его лошадка, всем известная «Прости», всероссийский рекорд 2 м $7^1/_2$ секунды, побивши старый рекорд на целую секунду с четвертью. Не только Николай Васильевич был доволен — всем коренным москвичам это было праздником. Редко когда любили знатоки лошадь так нежно и привязчиво, как любила Москва красавицу «Прости». Ведь вся ее блестящая карьера прошла на Ходынском поле. И не так за красоту ее обожали и не за постоянные успехи, как за неизъяснимую прелесть ее наружности, бега и характера. Верите ли.— Никогда она не нуждалась ни в посыле, ни в хлысте. То, что она могла сделать, она радостно и усердно делала, в полную меру своих сил, без всяких капризов или фантазий. Право: ехать на ней было как-то даже жалко. Так казалось, будто ты большой, тяжелый, неуклюжий едешь на изящном, легком, умном человеке. Именно такое чувство испытывают русские, когда впервые едут на японском рикше. И кротость этой чудесной кобылки была какая-то женская или детская, во всяком случае, человеческая. Вот таким же был, говорят, знаменитый французский, стипльчезный Крэк Heros XII... Жокей Митчель за всю долгую жизнь этой лошади ни разу не коснулся ее хлыстом. А ведь препятствия в Auteuil — вторые после Ливерпульских по серьезности и опасности...

* * *

Телегин широко на беговое дело смотрел. Это была для него не личная забава, не утеха гордости или тщеславия, не прибыльное занятие. Нет! Лелеял он грандиозные мысли во всероссийском, патриотическом плане. Давнишней мечтой его было устроить новый, строго нивелированный ипподром, но не в столицах, а где-нибудь на юге, в Одессе, например, или в Севастополе, где воздух теплее, и легче, и насыщеннее кислородом от близости моря, где нет северных тяжелых атмосферных давлений.

— Там, — говорил он, — русский рысак в условиях, недалеких от калифорнийских, утрет нос американским рысакам и покажет себя в истинном блеске. Вот оно дело государственное!..

Очерк был опубликован за рубежом под названием «Могучий». Но А. И. Куприн допустил ошибку и обратился в редакцию с письмом следующего содержания:

«Госпожа Т. Коншина внесла в своем письме существенную поправку к той грубой ошибке, которую я сделал в моем последнем очерке «Могучий» и за которую покорно прошу простить меня. Всего обиднее для меня то, что ведь я сам хорошо знал и очень любил обеих лошадей: и Коншинскую «Прости» и Телегинского «Левкоя» и вот перепутал чудесного жеребенка со знаменитой кобылой! Главное: мне никак нельзя вывернуться обычной ссылкой на корректора, наборщика или недосмотр типографии. Кругом виноваты моя рассеянность и моя торопливость.

Но все-таки я счастлив случаю лишний раз сказать, что Коншинский завод и Коншинская конюшня были всегда из первых и стояли на заслуженной почетной высоте. Что же касается очаровательной, бессмертной «Прости», то мне очень жалко, что в моем злосчастном очерке я не сумел найти достаточно восторженных и нежных слов, чтобы описать всю прелесть этой несравненной Коншинской лошади.

А. КУПРИН».

Однако, допустив ошибку, А. И. Куприн описал кобылу «Прости» со всем блеском и яркостью, присущими его таланту. Другой большой русский писатель, Иван Бунин, отметил в Куприне любовь к природе, к лошадям, собакам, кошкам, птицам. Эта человечная и трогательная черта позволила писателю с такой силой написать один из лучших его рассказов, «Изумруд», который он посвятил памяти несравненного толстовского рысака «Холстомера».

СЕРДЦЕ МАТЕРИ — СЕРДЦЕ СТРАНЫ

ХАН ЮН ХО

Я жизнь люблю,
Девушку я люблю.
Она так похожа, мама, на вас:
И ласкова,
и добра,
и щедра,

И решительна в должный час.
И порою кажется мне:
Все мы
друг с другом
схожи.
Есть такое
В каждом прохожем,
Есть такое
В каждой стране.

Это сходство
горит,
живет,
Эту песню нас петь зовет
И письмо вот это писать,
Мечтать,
созидать,
побеждать,
В любом бою побеждать.
Как мне чувство такое
назвать!

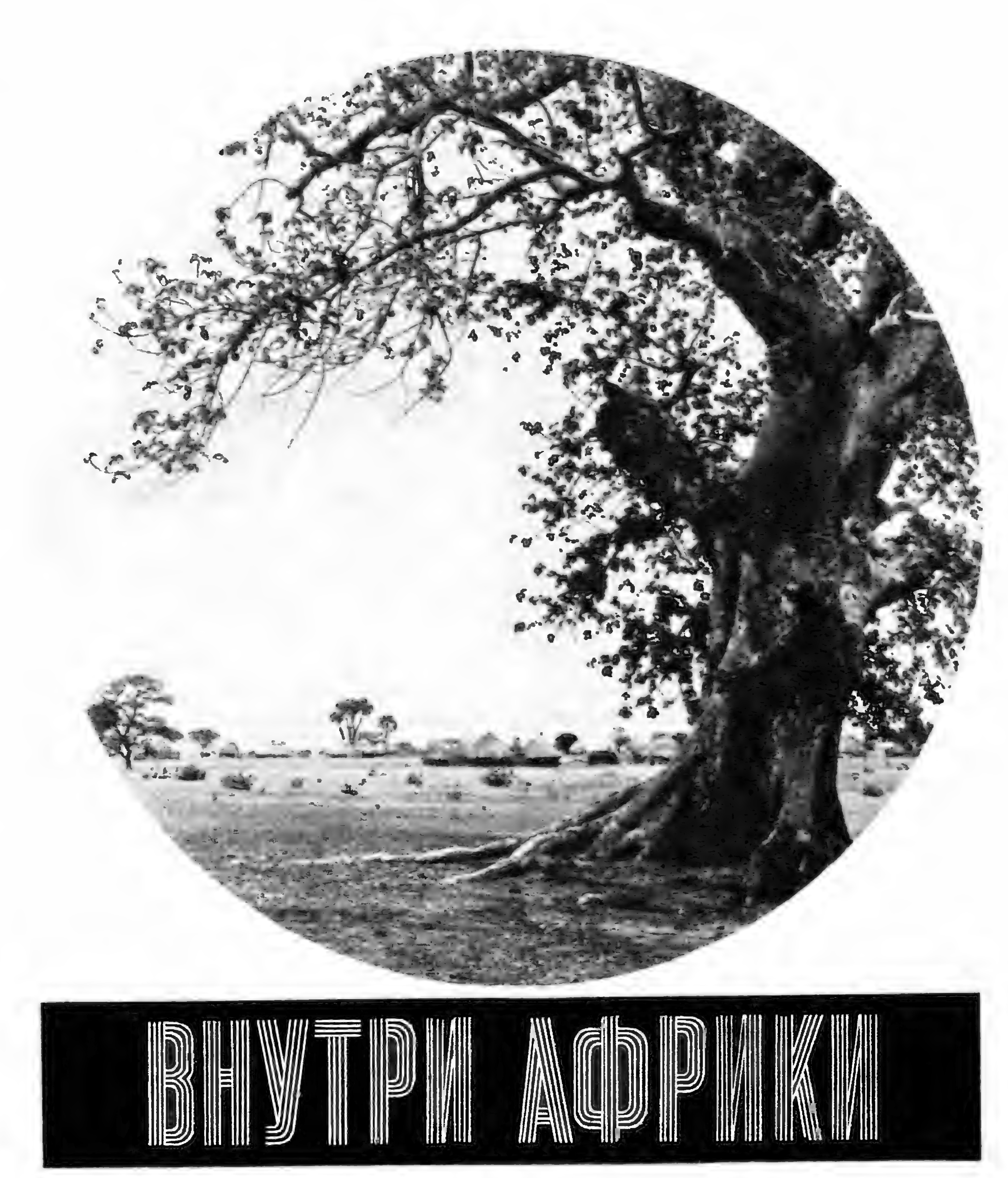
Не знаю.
Но, если вглядеться,
Оно заполняет
Каждое сердце,
Сердце матери —
Сердце страны,
Против войны
выступает оно,
Человечность оно.

Жизнь не создана богом.
Мать создала ее,
Мать — хозяин ее
И бог ее.
В сердце матери
нынче тревога,
За будущее тревога,
Человечество —
будущее ее.

У него два пути,
Два пути впереди.

Один из двух
мы выбрали путь,
И нас с него
Никогда не свернуть,
И помысел наш —
как можно
скорей
В жизнь воплотить
Мечты матерей!

Перевел с корейского
Анатолий ЛЕДНЕВ.

ВНУТРИ АФРИКИ

Николай **ДРАЧИНСКИЙ**,

специальный корреспондент «Огонька».

Фото автора.

Дело Фаргусона

На обочине дороги близ гостиницы растет огромное дерево, настоящий великан среди раскидистых акаций-сант, курчавых хеглинов и пахучих ардейбов. Ботаники называют его сикомор-гемейза. Оно очень похоже на домашний фикус, увеличенный раз в пятьдесят или больше. Большие плотные листья его дают густую тень, а сами, пронзенные лучами солнца, светятся чистейшим изумрудом, как лампочки в зеленых абажурах.

Каждое утро сюда приходит служащий гостиницы Атадж, веселый, добрый человек в просторной белой рубахе. Он садится на корточки, широко расставив острые коленки, и глядит на дорогу, по которой люди спешат на базар. Всю свою поклажу — будь то свернутая циновка, похожая на большое золотистое бревно, или консервная банка, в которой всего три куриных яйца, или кусок сыра, завернутый в пальмовые листья, — они несут на голове.

Вот идут, судача между собой, две молодые женщины, обсуждающие какие-то свои интимные дела. Их догоняет высокий мужчина. Щеголевато наряженный, он посасывает глиняную трубку с метровым чубуком из тростника. Пробегает стайка девушек. Ветер распахивает куски ткани, связанные узлом на одном плече, и обнажает красивые, словно изваянные из антрацита, тела. Девушки заигрывают с Атаджем, смеются его шуткам и еще долго оглядываются и хохочут в кулак.

— Девушка здесь свободна, — говорит Атадж. — Это не то, что на севере. Но когда она стала женой и за нее внесен выкуп, то обязана хранить верность мужу...

Идущие по дороге люди улыбаются, кивают незнакомому человеку и что-то говорят, явно доброе и приятное. А я, не умея ответить, просто поднимаю руку. Я уже давно заметил, что нилоты, когда они не обижены и не рассержены, очень добры и приветливы. Атадж иногда подзывает кого-либо и весело торгуется: он закупает продукты для гостиничной кухни. Вот еще издали к нему свернули два человека, показавшиеся мне привидениями: они были неправдоподобно голубые. Атадж пояснил, что мужчины многих племен, живущих по берегам, утром густо натирают все тело пеплом, смешанным с мочой животных. Этим они защищают себя от укусов многочисленных и свирепых москитов. Голубые люди — старик и молодой — несли на палке подвязанного за жабры большого пятнистого, как леопард, нильского сома и еще какую-то длинную рыбу, похожую на плоскую змею. У старика не было левой руки.

— Это нуэры, саид. Я их давно знаю и всегда покупаю у них рыбу, — рассказывает Атадж, когда люди ушли. — Старик Таваль говорит, что руку ему откусил крокодил. Но я-то знаю, когда он лишился руки. Это было во время дела с Фаргусоном. Вы не знаете этого дела? О, это тяжелая история. Она произошла, наверное, лет двадцать пять назад. Я точно не могу сказать, но я тогда только что женился и приехал в Малакаль.

Был здесь английский комиссар Фаргусон, злой, как буйвол, и жестокий, как пантера. Вы знаете, саид, что пантера убивает всех, кого только может убить: мышь или теленка — все равно, голодна ли она или сыта. Если она заберется в крааль, то за две минуты зарежет десяток или полтора овец, хотя для нее достаточно всего одной. Такой был и Фаргусон. Он всегда находил причину, чтобы поиздеваться над людьми. За малейшую провинность или даже так, для устрашения, он приказывал привязать человека к хвосту своей лошади, таскал его по деревне и велел всем смотреть на это страшное зрелище. Он считал, что только таким образом можно сделать покорными здешних людей, которых он ругал «черными обезьянами». При его появлении люди разбегались, не разбирая куда, хоть в пасть крокодилу.

— Однажды, — продолжал Атадж, — Фаргусон подплыл на моторном боте к большому селу нуэров. Там был праздник, люди веселились и танцевали. А когда люди танцуют, они доходят до такого состояния, что нередко даже убивают себя. Комиссар пошел через круг, плетью расчищая себе дорогу. Нуэры неожиданно накинулись на него, растерзали, а из костей отрубленных его рук сделали палки для барабана. Под удары этого барабана началось восстание нуэров...

Английский генерал-губернатор в Судане направил против восставших войска. На нуэров, вооруженных пиками и стрелами, двинулись бронемашины, артиллерия, самолеты методично бомбили соломенные хижины. Но нуэры, скрываясь в лесах, болотах, не сдавались. Тогда колонизаторы прибегли к хитрости. Они объявили, что хотят заключить мир, и пригласили вождей нуэров для переговоров. Доверчивые люди пришли, но их тут же схватили солдаты. Без вождей люди растерялись, не знали, что делать; только тогда их покорили.

— В то время Таваль и потерял руку, — говорил Атадж. — Ее оторвало снарядом. Но он все еще боится, что его накажут, и скрывает это. С тех пор нуэры стали бедными, у них мало скота и поэтому мало детей, племя не растет.

Я не уловил связи между количеством скота и рождаемостью детей. Атадж пояснил:

— Это же ясно, саид. За жену нужно платить выкуп, выкуп скотом. Вот я знаю, недавно динка Гран взял себе вторую жену, Ачел. Он заплатил за нее 10 овец, трех коров-зебу и двух быков. Поэтому, когда рождается девочка, это событие приятное: за нее будет выкуп. Жена первое время живет у матери, пока не родит двух детей. Потом уже строят отдельный тукуль, и она поселяется с мужем. А если дети не родятся, жених забирает скот обратно. У нуэров мало скота, поэтому у них и жен немного. А у одного только вождя шиллуков — 85 жен.

— А что было с вождями нуэров?

— Тех, которые остались живы, выпустили из тюрьмы два года назад, перед тем, как стала республика. Англичане им внушали, что во всем виноваты северные суданцы. Они хотели, чтоб нуэры выступили против них. Они тут всех стремились перессорить. После Фаргусона приехал новый комиссар, хитрый, как лисица. Он прежде всего взял себе в жены девушку из племени динка. А потом ловко натравил динка на нуэров: пусть лучше дерутся между собой, чем против англичан. Эта кровавая вражда продолжалась долго. Британец после этого, говорят, получил повышение и уехал.

— С женой?

— Ха! На что она ему? Разве мало белых женщин? Она живет в деревне у отца. Двое детей.

— А как же он поссорил динка и нуэров?

— Из-за водопоя. Но это, саид, уже другая история! А племена, между прочим, в прошлом году помирил комиссар-суданец, — сказал Атадж и заторопился на кухню.

В саванне

— Нет, я не могу разрешить вам эту поездку, — сказал мамур Абдуллах. — Ночевать в дальней туземной деревне просто немыслимо.

— Хорошо, мы вернемся назад.

— Возвращаться придется ночью, а ездить ночью запрещено. Это очень опасно: на вас могут напасть дикие звери.

— Какие звери?

— Слоны, львы, носороги, буйволы. Леопарды и прочие менее опасны.

Интереснейшая поездка на Бахр эль-Зираф (Реку жирафов) явно срывалась.

— Кроме того, там крокодилы кишат, как москиты у фонаря. Как я вас разыщу, если одна из этих мерзких тварей задумает вами поужинать? Схватит и потащит

См. «Огонек» №№ 28, 32.

в реку,— говорил комиссар, ослепительно улыбаясь.

Я сообщил мамуру, что нуэр Лок уже научил меня, как нужно поступать в таких случаях: крокодила следует бить по глазам. Абдуллах рассмеялся:

— Ну, знаете, если уж вас схватит крокодил,— можете лишних движений не делать. Что-то я не помню, чтоб кто-либо вырвался из его пасти.

— А мой дядя? — возразил Родуан.

— О, это феноменальный случай!

Редкий случай с дядей Родуана Муаджем Мунькуэром произошел так. Мунькуэр возвращался на осле в свою деревню. Недавно прошел дождь, осел поскользнулся — и беспечный дядя свалился в грязь. Когда он направился к реке умыться и зачерпнул руками воды, из реки показалась противная зеленоватая морда. Человек отпрянул назад, но крокодил успел схватить его за большой палец правой руки и стал тащить в воду. Тут-то Мунькуэр свободной рукой изо всей силы ударил его в глаз. Зверь метнулся и откусил палец. Человек бросился бежать, но жадный крокодил выскочил на берег и стал его преследовать. Он успел даже схватить Мунькуэра за длинную рубаху — галабию — и оторвал большой лоскут. Подоспевшие на крик люди прикончили гада, опрометчиво удалившегося от воды. Тяжелыми палками они били крокодила по затылку до тех пор, пока он не перестал двигаться.

Мелкий торговец Мунькуэр живет в деревне Мелют на Белом Ниле. Я стал упрашивать комиссара, чтоб он разрешил нам с Родуаном и Киши съездить туда. Мамур согласился, но потребовал, чтобы мы обязательно вернулись к сумеркам. Решив ехать завтра после полудня, когда Родуан закончит службу в канцелярии, мы с Киши отправились к купцу Телонятису нанимать автомобиль.

Грек Телонятис держал довольно большой по малакальским масштабам магазин, где торговал всякой всячиной. Почти все товары были английского производства. Из любезности купец сказал:

— К сожалению, русских товаров нет.

— Более огорчительно, что нет товаров суданских,— заметил я, но купца эта проблема не интересовала.

После некоторых колебаний он согласился дать нам машину. До обеда она будет занята, а затем — в нашем распоряжении.

Когда я слушал маленького, толстенького, очень любезного и обходительного купца Телонятиса, мне и в голову не приходило, что он из-за своей скаредности устроит нам коварную штуку.

На следующий день к гостинице подкатил дряхлый фыркающий грузовичок. В нем уже разместились Киши, Родуан и их приятель Камбел. Родуан, который при случае надеялся поохотиться, захватил два ружья — винтовку и дробовик. Гостиница стояла на окраине, и уже через две минуты мы мчались по ослепительной и жаркой саванне.

Беспредельная равнина разбежалась во все стороны. Земля была похожа на огромное плоское блюдо. Золотистый диск его украшали темные узоры деревьев и кустарников, то сочно-зеленых, то голубоватых вдали. Мы ехали быстро, и сухой, горячий воздух хлестал в лицо, до боли натягивая кожу.

За машиной взлетает высокая стена красноватой пыли, она долго висит в неподвижном воздухе и нехотя оседает. А вокруг саванна, саванна — африканская степь. Высокая трава по бокам дороги временами напоминает наши хлеба в пору жатвы. На желтой равнине толпятся рощицами или стоят в одиночку диковинные деревья. Пышные зонты хеглика, зеленые облака тамарисков, высокие пальмы дулеб, стволы которых похожи на веретено с жесткой непричесанной шевелюрой на самом верху, пальмы дум, одноногие, но с растопыренными мохнатыми пальцами. Изредка и всегда в одиночку стояли громоздкие, неуклюжие, как слоны, баобабы. Удивительное это растение — оно как бы сразу живет во всех временах года: на одном и том же дереве одновременно видишь голые ветки, листья, цветы и плоды, как мячики, подвешенные на длинной бечевке.

Там и сям виднелись хижины нилотов, похожие то на стога сена, то на конусообразные китайские шляпы. Здесь по правому берегу Белого Нила расселились преимущественно динка, но иногда попадаются деревеньки шиллуков.

Мы отъехали от Малакаля миль двадцать пять, когда мотор неожиданно зачихал и машина остановилась. Шофер Таха — полуараб, полудинка — покопался в моторе и объявил, что автомобиль работает с самого утра, мотор перегрелся. Он поднял капот и уселся на дороге в тень грузовика. Мы решили пока пойти к реке.

На берегу стояло несколько дулебов. На самом верху их виднелись большие оранжевые плоды, похожие на спелую дыню. По серому шелку реки плыли сёдды — зеленые живые островки из папируса, тростника, водяных лилий и нильской капусты. Они зарождаются к югу отсюда, в обширной области болот, через которые текут реки нильского бассейна. Иногда сёдды скопляются огромными массами, создают живые запруды, вызывают наводнения, преграждают путь пароходам. Известен случай, когда большая египетская экспедиция, плывшая на судах по Бахр эль-Газалю (Река газелей), оказалась со всех сторон отрезанной могучими сёддами. Сотни людей погибли от голода, стали добычей хищников.

На одном островке лениво разгуливала красивая королевская цапля. Я сделал снимок и не успел перевести пленку, как что-то темное на мгновение высунулось из воды, и цапля исчезла. Только круги пошли по реке.

— О, проклятый сын дьявола! — выругался Камбел. Его слова относились к крокодилу, схватившему птицу. Здешние жители страшно ненавидят крокодилов. Эти прожорливые гады причиняют им немало зла. Они воруют скот во время водопоя и даже таких больших животных, как осел и корова. Немало людей гибнет в их чудовищных пастях.

Мы прошли еще немного вдоль берега, надеясь, что хищник покажется еще раз. Родуан зарядил ружье разрывной пулей: обыкновенной пулей крокодила убить почти невозможно. Мы уже повернули назад, когда Родуан схватил меня за руку.

— Смотрите: гипо! — сказал он, кивая на реку. Почти по середине ее расходились круги, а в центре торчали три большие розово-медные шишки. Это был гиппопотам. Он высунул из-под воды глаза и ноздри, чтоб подышать.

— Стреляйте!

— Это бессмысленно,— ответил Родуан.— Убить его очень трудно. Но если это и удастся, течение унесет тушу далеко вниз и там ее сожрут крокодилы. Здесь бегемотов должно быть несколько: они живут семьями.

И точно. Из воды показалась еще одна морда. Послышалось глухое, как из бочки, мычание, и медные шишки скрылись в реке. Мы заторопились к машине, но путь нам преградило большое стадо. Несколько динка, вооруженных большими копьями, гнали его к городу. Быки и коровы зебу были светлой масти, почти белые, с горбом на холке и огромными, красиво изогнутыми рогами.

— Этот скот динка собрали, наверно, для уплаты налога,— сказал Киши.

Друзья стали рассказывать, какой необыкновенной любовью пользуется скот у нилотов, как умело они за ним ухаживают, лечат, берегут. Скот — главный источник их существования. Из молока делают масло и сыр, но почти никогда нилоты не убивают своих животных на мясо. Это случается редко, по очень большим праздникам, и обставляется сложными ритуальными церемониями. Убивают обязательно копьями. Ни в коем случае нельзя употребить нож: смерть от ножа считается позорной. Копьями разрывают тушу на части. Кто сколько сумел оторвать — это и есть его доля. У нуэров и динка есть специальный вождь — «владыка животных», который, по их убеждению, обладает таинственной силой богов. Этот человек выбирает водопои и пастбища, руководит перегоном стада и лечением больных животных.

Время сбора налогов — самое тревожное время в саванне. Людям приходится расставаться со скотом, и они бывают очень обозлены. Именно в это время при англичанах всегда вспыхивали беспорядки, и нередко налог удавалось собрать лишь с помощью пулеметов. Да и сейчас еще налоговый инспектор не во всякую деревню решится зайти без надежной охраны.

...Грузовичок зафырчал, и мы быстро понеслись по саванне. Но уже минут через пятнадцать машина снова остановилась. Спутники хмуро посмотрели на Таху, а он в ответ беспомощно вскинул вверх руки, как на молитве, и стал рыться в моторе.

Слева от дороги озеро, небольшое, серебристое, светилось, как мутное зеркало в зеленой раме высоких трав. Двое юношей ходили по грудь в воде и время от времени вонзали в атласную гладь свои копья.

— Что они делают?

— Ловят рыбу, вернее, охотятся на нее,— ответил Киши.

Рыбы очень много, и такой «слепой» способ добычи ее, оказывается, дает неплохие результаты. Вот парень кинул копье раз, другой... пятый, десятый... и вдруг на зазубренном острие затрепетала крупная рыбина. Он ее хватает руками, несколько раз ударяет плашмя копьем и уже неподвижную кладет в плетеный короб, который ловко держит на голове. У одного из рыбаков была сеть. Он ее забрасывал вперед, а затем тянул за веревку. Сеть, размером с простыню, затягивалась мешком. Улов его был много больше.

Подойти к рыбакам поближе нам не удалось. Неизвестно откуда появился рослый молодой динка с луком и копьями. Завидев ружье, он стал упрашивать Родуана, чтоб тот помог ему убить газель. Она ему совершенно необходима: он берет себе в жены девушку по имени Яа и по обычаю должен преподнести ей свадебный подарок — шкурку газели. Из этой шкурки она сделает себе передник, который полагается носить замужней женщине (девушки в деревне обычно носят лишь пояс из цветных бус). Парень уже несколько дней бродит по саванне и никак не может поразить эту грациозную, быстроногую козу. Слова Родуана о том, что мы торопимся, что нет времени, на динка не производили никакого впечатления, он почти тащил нашего спутника за руку, показывая куда-то на синеющий вдали кустарник. Дискуссию заглушил рокот мотора, грузовик чихнул облачками голубого дыма, и мы помчались дальше.

Не успели Родуан и Киши как следует рассказать о свадебных обрядах племени динка, как машина конвульсивно задергалась и замерла. Стало ясно, что к Мунькуэру мы сегодня уже не доедем, и Родуан, который в качестве государственного служащего нес некоторую ответственность за нашу поездку, предложил возвращаться назад. Но мне очень хотелось все-таки побывать в деревне. До сих пор я видел жизнь нилотов как-то со стороны, и невозможно было удержаться от соблазна посмотреть, как они живут у себя дома. Километрах в трех от дороги на прибрежном бугре виднелась небольшая деревенька — десятка полтора тукулей под лохматыми пальмами дум. Решили пойти туда, а за это время шофер Таха должен наконец наладить мотор, чтоб мы без задержек вернулись в город. Бедный Таха, которого все упрекали, не стесняясь в выражениях, совсем растерялся, крупные капли пота стекляшками сверкали на его черном лбу.

Белый начальник

Мы двинулись по узкой тропинке, терявшейся в высокой траве. Повисшее за спиной солнце, хотя и стало менее ярким, но палило по-прежнему: до собственного плеча дотронешься — горячо. Длинная ступенчатая лента перистых облаков поднялась от горизонта в поблекшую синеву; она казалась лестницей, ведущей на небо. Я спросил было, где же дорога, но тут же сам удивился наивности вопроса. Ведь у нилотов нет колесного транспорта — только эта зыбкая тропинка да

река связывают деревню с внешним миром.

Неожиданно, словно из-под земли, на тропинке вырос шиллук. Он прикрывался щитом из кожи бегемота, по форме напоминавшим большой лист. Настроен он был дружелюбно, поминутно обнажал в улыбке белые, как сахар, крупные зубы. Не понимая слов, я все же угадал, что он против того, чтобы мы шли в деревню, где живут динка.

Пока друзья разговаривали с ним, я стал подкрадываться к стае больших, белых с черными крыльями птиц. Они лениво разгуливали под большим, уже умирающим деревом. Но только я прицеливался фотоаппаратом, они отлетали, вернее, перескакивали дальше.

— Назад! Назад! — закричал Родуан и вскинул ружье в мою сторону. — Кобра... — сказал он, когда я, запыхавшись, вернулся на тропинку.

Вначале я ничего не мог увидеть. Но вот над желтой травой показалась большая плоская голова, будто накрытая бурой шляпой с темными разводами. Голова проворно рыскала по сторонам, как бы выискивая жертву. Родуан прицелился, но шиллук бурно запротестовал, выскочил вперед, закрывая дуло щитом. Змея скрылась в траве и больше не показывалась.

Киши стал поносить шиллука за его предрассудки. Оказывается, у этого племени кобра — божество. Все суды и различные церемонии в племени проходят перед изваянием или чучелом змеи.

— Шиллуки никогда не убивают кобр. И самое удивительное, кобры никогда не трогают шиллуков. Почти никогда, — уточнил Родуан.

Змея, которую мы видели, была крупной коброй — африканским аспидом. Друзья уверяли, что она плюется ядом, а укус ее всегда смертелен. Однажды на охоте змея укусила собаку Родуана. Та околела через несколько минут.

По дороге спутники просвещали меня, как следует лечиться при укусе кобры. Оказывается, нужно рану вырезать ножом и прижечь раскаленным железом. А затем долго пить стаканами самый крепкий виски, ром или спирт. Человек при этом совершенно не пьянеет. Камбел знал одного купца, который спасся таким образом. Правда, потом он болел все время и через два года помер. Однажды в Теракеке...

Я так и не узнал, что было в Теракеке: мы подошли к деревне. Родуан сказал:

— Не вздумайте спрашивать, сколько у них скота. Вас примут за сборщика налогов, и будет плохо.

Тукули стояли кругом, образуя в середине большую площадку, хорошо утоптанную и чистую. Там бегали ребятишки, возились женщины. Одна из них длинным пестиком что-то толкла в ступе, выдолбленной из полена. При нашем появлении все опрометью разбежались. Женщины похватали детей и укрылись за хижинами. Из-за низких соломенных крыш поблескивали их любопытные и суровые глаза. Перед темными дырами, служившими входом в тукуль, громоздилась немудреная утварь из кожи, дерева и черепашьих щитов. Несколько консервных банок, бутылок, куски ткани, рыболовная сеть на дереве...

Динка, Родуан и Киши с трофеями.

Мои спутники тревожно переглянулись и как-то растерялись. Мы быстро пересекли площадку и очутились на берегу. Здесь, под большим кустом бамбука, похожим на круглый фонтан с зелеными струями, лежали на земле несколько мужчин динка. Старик в середине выделялся редкой здесь седой шевелюрой, напоминающей серый каракуль. Сквозь старческую дряблость его тела угадывалась угасающая сила. Никто не встал, не ответил на приветствие Родуана. Люди застыли в какой-то враждебной неподвижности. Старик приподнялся на локте, и стало видно, как прилипла пыль к выпуклостям его мышц. Он недобро поглядел на нас, что-то буркнул и отвернулся. Из-за хижины выскочил мальчуган, но женщина с отвислой грудью тут же утащила его назад. Стояла гнетущая тишина, и лишь острый, сверлящий крик птицы доносился с реки.

— Вы должны приветствовать людей, — шепнул Родуан.

Я сказал разные, на мой взгляд, добрые слова и пожелания, обращаясь преимущественно к старику. Родуан перевел. Он говорил дольше, очевидно, основательно редактируя мою речь соответственно местным обычаям. Взвизгнула собачонка, которая вздумала ластиться к одному из лежавших на пыльной земле голых людей,— он ткнул ее ногой. Черная туча молчаливой враждебности становилась все гуще.

— Нужно уходить... — тихо сказал Родуан, и мы пошли вдоль берега. Несколько мужчин, вооруженных копьями, тотчас появились из-за хижин. Родуан без видимой надобности выстрелил в воздух, и вся окрестность наполнилась разноголосым криком птиц, хлопаньем крыльев.

Два динка с копьями, отделившись от остальных, пошли за нами на некотором расстоянии. Родуан шел быстро, я едва поспевал за ним, путаясь в густой, цепкой траве. Что случилось в деревне? Он кратко ответил:

— Для них все белые — англичане.

Мы были уже далеко от деревни, когда Родуан знаком велел всем остановиться, а сам, взяв дробовик, стал подкрадываться к маленькому озерку. Выстрел — и над водой вперевалку полетели дикие утки. Несколько птиц осталось недвижно на стеклянной поверхности, а одна, беспомощно растопырив крылья, спешила к берегу. Динка, быстро сбросив повязку, кинулся в воду и добил ее копьем уже в траве.

Когда собрали трофеи, оказалось, что Родуан одним выстрелом убил семь уток и одну ранил. Чтоб наши охотники не сочли это за басню барона Мюнхаузена, приходится здесь опубликовать фотографию Родуана, Киши и динка с вещественными доказательствами.

Двое юношей динка, очевидно, убедившись, что мы не намерены причинять им зло, стали более приветливыми и разговорчивыми.

Они рассказали, что в деревне много несчастий. Недавно умер «владыка стада» их племени. Животные стали болеть, много погибло. Все это — и смерть владыки, который обладал силой богов, и гибель животных — они объясняют нашествием злых духов. А тут еще много скота пришлось отдать в уплату налога. Люди очень озлоблены бедами и возбуждены. Когда мы приближались, старик, глава рода, сказал: «Вот снова появился белый начальник. Он идет отбирать скот».

Получив по две утки, динка, радостные, помчались в деревню, а мы, избавившись таким образом от недоброжелательного эскорта, заторопились к машине. Солнце, клубящееся расплавленной медью, коснулось горизонта, опожарило полнеба, позолотило тонкие облака, небрежными мазками кинутые в вышину. На границе дня и ночи воцарилась тишина. Дневные обитатели саванны уходили на покой, а ночные еще не вышли из своих логовищ и гнезд.

На дороге машины не оказалось; мы увидели ее вдали, возле двух одиноких хижин. Слегка возбужденные, как люди, удачно отделавшиеся от серьезных неприятностей, мы подошли к нашему грузовичку, уложили охотничьи трофеи и стали размещаться сами. Но шофер Таха сидел на траве без движения.

— Петроль мафиш (бензина нет), — глядя в землю, сказал он по-арабски.

Все замолчали, и стало слышно, как из радиатора капает вода.

Родуан молча уставился на шофера и, казалось, пронизывал его взглядом. Таха оправдывался жалобным голосом. Он ведь говорил купцу, что нужно добавить горючего: машина работает с утра! Но хозяин закричал, что он лучше знает, сколько нужно бензина. Он всегда боится, что Таха украдет его бензин. Машина и останавливалась оттого, что горючее было на исходе. Во время стоянки в бензопровод стекали остатки...

Ночь

Проклятия по адресу скаредного купца раздавались уже в сумерках. Мы быстро шли на юг, к городу, до которого было самое малое тридцать пять миль. Вначале мы еще надеялись, что нас подберет какая-нибудь запоздавшая машина, хотя автомобили здесь ходят чрезвычайно редко, а ночью ездить вообще запрещено.

Камбел вспомнил, как две недели назад группа шиллуков напала на двух купцов-северян, ехавших ночью в Малакаль, и убила их пиками. Видимо, сооб-

разив, что вспомнил об этом не вовремя, он добавил:

— Вождь шиллуков Кур Фафити — очень хороший человек. Когда случилось это дело, он сам разыскал виновных и отправил их в губернаторскую тюрьму.

Короткая заря вспыхнула и погасла. Будто выключили большой рубильник, и стало темно. Мир опустился в мягкую сажу непроглядной африканской ночи. Темнота стала такая плотная, что казалось, ее можно потрогать руками. Саванна ожила, наполнилась таинственными звуками. Трава вокруг шуршала, из нее доносился какой-то писк, повизгивания. Цикады загромоздили воздух знойным звоном. Над головой хлопали чьи-то невидимые крылья. Издалека доносился то вой, то лай, то какое-то хрюканье и противный простуженный хохот гиен.

Мы шли быстро, нервно, то и дело спотыкаясь о неровности. Вдали за рекой горела саванна. Днем на солнце огонь был едва виден, лишь вился длинной лентой прозрачный стеклянный дым. Но сейчас там стояла высокая стена огня километров в пять или шесть шириной. Сухую траву саванны в это время года поджигают молнии или сами местные жители. На очищенном огнем пространстве быстро вырастает свежий зеленый корм скоту. Розовые отблески далекого пожара доходили сюда. Глаза привыкли и стали улавливать какие-то тени.

Первое время мы еще встречали на дороге группы людей, торопившихся к своим хижинам. Сначала были слышны их голоса, затем в темноте начинали поблескивать шлифованные наконечники их копий, потом выделялись светлые бусы и белые кольца слоновой кости, которые носят выше локтя. Лиц и фигур так и нельзя было различить. Всякий раз в таких случаях Родуан начинал нам громко говорить нечто на местных языках. Иногда его даже не понимали Киши и Камбел: речи, обращенные к нам, предназначались для встречных. Вскоре дорога обезлюдела совершенно, и мы остались одни, с таинственными звуками ночи, звездами и далеким заревом степного пожара.

В глухую разноголосицу ночи вплелись какие-то новые звуки. «Там-там, там-там, там-там, бу-бу»: вдалеке били барабаны. Вдруг над равниной взлетела и растаяла дружная горловая трель множества женщин: «Го-ло-ло-ло-ло-ло-ло-ло-о...»

В деревне, которая пока обозначалась впереди только красной дырочкой костра в черной ткани темноты, был праздник. Народился молодой месяц, пояснили мне друзья, в это время нилоты всегда устраивают праздник. В небе висела тоненькая серебристая скобка — молодой месяц здесь не висел вертикально, как у нас, а как-то чудно для глаза северян лежал на боку. Впереди торчком стоял сверкающий Южный крест, а Большая Медведица низко прильнула к горизонту, будто пила воду из Белого Нила.

Шум праздника становился все громче, уже были слышны отдельные выкрики, смех, к барабанам добавился еще высокий короткий звук, который бывает, если бить по сухому и твердому куску дерева. Зыбкое пламя костра несмело вырывало из темноты контуры хижин и стволы пальм. Вокруг огня метались, прыгали тени в судорожном хороводе, стучали барабаны, неожиданно вскипали булькающие горловые трели.

Родуан, шедший первым, остановился за кустом. Он решительно отверг мое предложение пойти посмотреть танцы, заметив, что совершенно неизвестно, как там встретят незваных гостей. Более того, он предложил свернуть с дороги, пролегавшей мимо селения, и пойти в обход. Камбел, который был обут в легкие сандалии-босоножки, обмотал ноги сухими стеблями, и мы пошли по траве. Вскоре башмаки зачавкали по болоту, и нам невольно пришлось снова приблизиться к деревне.

Вокруг костра сидели и стояли люди, а внутри круга подпрыгивали, топая ногами, два воина с пиками и щитами. Даже издали были видны их пышные головные уборы с перьями, на руках висели хвосты жирафов. Нельзя было понять, что они изображают: то ли охоту на зверя, то ли битву между собой.

Мы вышли на дорогу, но шум беспорядочного тревожного веселья еще долго преследовал нас. «Там-там, там-там...», «го-ло-ло-о-о...» И вдруг все звуки ночи растаяли, растворились в невероятном, сотрясающем воздух реве. Громоподобный бас оборвался хрипом, и снова стало както одиноко от наступившей тишины.

— Бегемоты вышли погулять,— равнодушно сказал Киши.— Ночью они всегда выходят на берег пощипать травку и повеселиться.

Река была довольно далеко, но оттуда ясно доносились шумные всплески, фырканье, мычание. Богатырский рев повторился еще дважды. И всякий раз затихали другие жители саванны, тревожно прислушиваясь: что же будет дальше? Я впервые явственно ощутил смысл известной поговорки: «Ревет, как бегемот». Здесь было немало случаев, когда бегемоты на берегу нападали на людей и даже на быков. Они топчут жертву ногами, рвут своими страшными клыками...

...Мы идем уже шесть часов, и ноги начинают заплетаться. Душно. Ночь не принесла прохлады. Мокрая рубашка прилипла к телу. Мы очень торопились вначале и не рассчитали сил. Слева, на востоке, сверкают молнии. Так хочется, чтоб пошел дождь. Но его нет. Лишь беззвучные молнии вдали поминутно вколачивают в землю серебряные стрелы. Всех давно мучит жажда, тянет к реке, которая, словно в мифе о Тантале, совсем рядом и совершенно недоступна.

Оглушительно, до боли в голове трещат цикады. Кажется, что ты попал под колпак электрического звонка. Когда дорога приближается к реке, появляются светляки. Большие, желтые, они носятся, как трассирующие пули,— невольно прячешь голову, когда мигающий холодным светом шарик летит тебе прямо в лицо.

Усталость притупила ощущение опасности, и Родуан повесил ружье на плечо. Почти в то же время какой-то зверь с легким шумом промчался по траве, послышался скребущий звук, замерший где-то вверху.

— Леопард...— Родуан вскинул ружье, а мы стали за его спиной.

Впереди скорее угадывались, нежели виднелись, несколько деревьев. Судя по звуку, на ближнем из них укрылся этот ловкий хищник. Мы стали полукругом огибать дерево, держась за спиной Родуана, который наугад целился в темноту. Оттуда послышалось тихое ворчание. Треснул выстрел. С дерева что-то мягко спрыгнуло и зашуршало по траве прочь.

Спутники рассказали мне, что леопард почти никогда не нападает на группу людей, но одинокий человек нередко становится его жертвой. Он всегда нападает сверху. Поэтому нуэры и динка, когда они идут в джунгли, где много этих огромных кошек, привязывают у себя по бокам два копья, острия которых торчат над головой и защищают от внезапного нападения.

По нашим предположениям, скоро должен быть небольшой лагерь рабочих, строящих дорогу,— мы видели его днем. Идем, идем, а лагеря все нет. Что-то грузное плюхнулось в воду, обдав окрестность серебряным всплеском. Где-то вдали за нами раздавались звуки, похожие на мяуканье, но такое мощное, как если б, скажем, замяукал бык: «ы-ау, ы-ау...» Мы шли, шаркая ногами по пыльной дороге, и тягостно молчали. Мне вздумалось пошутить:

— Хорошо бы повстречать льва.

Но шутка возымела обратное действие.

— Если он появится здесь, вы не станете так болтать,— ответил Родуан очень зло и раздраженно.

Я удивился: он всегда был вежлив и добр. Стало неловко, но я приписал его раздражение какому-то суеверию.

Наконец мы подошли к лагерю. За изгородью из колючих ветвей стояла палатка. Несколько растянутых москитных сеток. Многие спали прямо на земле. Лишь один человек сидел у входа с ружьем.

Наконец-то вода! Мутная, сильно пахнущая болотом, но такая желанная. Пока глотаешь ее,— приятно, но едва оторвешь почерневшую банку от губ,— мгновенно снова одолевает жажда, и напиться просто невозможно.

До города оставалось не более шести миль. А через полчаса, обогнув небольшую рощицу, мы увидели вдалеке три желтых фонаря — наш аэродром и гостиница. Огни манили к себе, прибавляли сил. Но вот впереди на равнине вспыхнули две яркие звезды и стали быстро приближаться. Тотчас все, как по команде, остановились. По дороге мчалась машина. Через несколько минут из нее выскочили купец Телонэтис, помощник комиссара — субмамур Джаден и двое солдат. Они ехали разыскивать нас.

...На следующий день я зашел к купцу рассчитаться за аренду автомобиля, но он денег не взял. Затем я встретил хмурого Родуана. За вчерашнюю прогулку он получил крупное внушение от заместителя губернатора. Но почему он особенно рассердился, когда я вчера пошутил насчет львов?

— Это нехорошо,— ответил он серьезно.— Вы ведь слышали рыканье львов, правда, вдали, но они могли подойти и ближе...

Я честно признался, что ничего не слышал.

По Белому Нилу плывут сёдды.

ГЛАЗА НАШИХ ДЕТЕЙ

В редакцию журнала «Огонек» поступило письмо от учительницы Ново-Шибрейской средней школы, Уваровского района, Тамбовской области, Веры Андреевны Уваровой:

«Меня волнует вопрос: почему мой сын Анатолий страдает близорукостью? Если он, учась в 9-м классе, носил очки минус 2,5, то теперь, будучи студентом 2-го курса Лесотехнического института, имеет зрение минус 5.

Я была классным руководителем 9-го класса, и в классе все хорошие учащиеся: Молоткова, Уваров, Королев, Гунина, Вепугова — страдали близорукостью, причем их близорукость прогрессирует и теперь.

Невольно встают вопросы:

— Неужели наша медицина беспомощна?

— Неужели нельзя обезопасить человека от этой болезни, когда в нем энергия бьет ключом, когда он готов безгранично служить Родине?

Я хочу, чтобы наши ученые помогли бороться по-настоящему с этой болезнью, помогли и предупредить ее, помогли выяснить, что же является недостатком в воспитании наших детей...»

В ответ на это письмо мы публикуем беседу нашего корреспондента с врачами-офтальмологами, сотрудниками научно-исследовательских институтов Е. М. Белостоцким и Е. М. Белостоцкой.

Что такое близорукость!

Глаз наш имеет форму шара. Световые лучи, попадая в зрачок, преломляются естественными линзами — роговицей и хрусталиком — и собираются внутри глаза в одной точке, в «фокусе», на сетчатой оболочке. Если глаз не имеет почти правильной формы шара, а немного растянут вдоль оси зрения, то лучи, попадающие в глаз, пересекаются не в том месте, где находится светочувствительный слой сетчатки, а ближе, не доходя до нее. Это и есть близорукость. Если глаз короче нормального, то пересечение лучей также не совпадает с плоскостью сетчатки, и такой глаз называется дальнозорким. Поэтому люди и с близорукими и дальнозоркими глазами видят предметы не ярко очерченными, не в «фокусе».

И хотя дальнозоркость и близорукость одинаково вредны для наших детей, мы привыкли особое внимание уделять именно близорукости, так как число близоруких детей и степень близорукости увеличиваются с ростом ребенка. Существует даже понятие «школьная близорукость», так как ухудшение зрения происходит чаще всего в школьные годы. Если близорукость не пресечь вовремя, она прогрессирует.

Почему близорукость не останавливается на какой-то определенной стадии, а неумолимо усиливается? Существует предположение, что близорукие люди изза плохой видимости напрягают зрение. Увеличивается приток крови к глазу, ткани его набухают, становятся менее упругими, увеличиваются, и глаз растягивается. Это и ведет к усилению близорукости. Чтобы приостановить растягивание глаза, надо облегчить зрение. Может ли сделать это медицина?

Может. В полной мере, немедленно и просто. И таким безотказным и единственным «лекарством» являются очки. Оптические линзы снимают напряжение с глаза, делают зрение «легким». Стоит близорукому или дальнозоркому человеку надеть очки, и усталость, головные боли, общее утомление исчезают как по мановению волшебной палочки. И тут-то ребенка, которому необходимы очки, подстерегает неожиданная опасность.

В одной из московских школ состоялось родительское собрание. Шестнадцать мам потребовали, чтобы именно их чада сидели на первых партах, так как у них склонность к близорукости. Но первых парт всего три!

— Вашим детям просто необходимы очки,— сказал педагог.

— Мы не станем приучать наших детей к очкам с такого раннего возраста! — вскипели мамы.

И педагогу пришлось начать с того, чтобы «приучать» в первую очередь к очкам не школьников, а их родителей.

Откуда она берется!

Много лет бьется медицина в поисках первопричины близорукости, но знает об этом не больше, чем о назначении селезенки.

Глаз — это не отдельный, самостоятельно функционирующий орган, это часть целого организма. На остроту зрения влияет перемена звука, действие вкусовых и обонятельных раздражителей. Причиной близорукости наших детей может быть и неблагоприятная наследственность, и неправильный режим питания, и недостаточное физическое воспитание в раннем возрасте. И даже попытки любящих родителей превратить ребенка в вундеркинда.

Медицина не в состоянии предупредить появление близорукости, но она знает ее пособников. Врач может прописать очки, но не всегда они решают дело.

Глаз обладает замечательным свойством приспосабливаться к существующей освещенности. Можно привыкнуть читать как при сильной лампе, так и при слабой и даже в сумерках. Можно так приспособиться, что будешь, не моргая, смотреть на раскаленную нить зажженной лампочки. И нам подчас кажется, что если глаза наши вполне разбирают буквы при чтении книги в полутемном вагоне троллейбуса или поезда, то такое чтение не опасно для здоровья.

Чудесное свойство глаза видеть чуть ли не в темноте делает нас до слепоты самоуверенными в его безотказности. А потом мы расплачиваемся за это дорогой ценой.

И вот первое требование: в помещениях, где находятся дети, особенно где они занимаются, должно быть светло. Всем известно, что солнечный свет необходим для развития организма. Он активизирует все жизненные процессы, улучшает обмен веществ, усиливает рост тканей. Вот почему жизненно необходимо шире открывать дорогу естественному свету в жилищах, в помещениях, где занимаются дети. И мы требуем от наших архитекторов: шире оконные проемы, уже оконные переплеты. Не следует создавать домашний уют с помощью лишних занавесей и цветов на окнах. Нельзя окрашивать рамы темными красками. Даже незначительное на первый взгляд загрязнение оконного стекла значительно снижает освещенность помещения. Не безразлично, как организовать рабочее место и у светлого окна. Стол должен стоять так, чтобы свет падал на него обязательно слева. Иначе тень от пера или карандаша заслонит буквы от света.

Но как бы мы ни пытались уловить естественный свет, в определенные времена года его не хватает даже днем. Тогда приходит на помощь искусственное освещение. Даже среди культурных людей бытует нелепое предположение, что ни в коем случае нельзя смешивать естественный свет с искусственным. Но следует предостеречь и от другой ошибки: яркая электрическая лампочка, не заключенная в специальную арматуру — «молочный шар» — или в опрокинутое из матового стекла ведерко — «люцетту»,— может принести больше вреда, чем пользы. Глаз невольно глянет на раскаленную нить, и это приводит к ослеплению.

Но дело не только в освещении. Интересно, что именно ученый, гигиенист и офтальмолог Федор Федорович Эрисман, который был первым человеком в России, уделившим много внимания изучению близорукости у детей, изобрел и сконструировал всем известную школьную парту. Она так и зовется до сих пор «партой Эрисмана», та самая парта с наклонной декой, за которой сидел каждый из нас, будучи школьником.

Какая связь между близорукостью и школьными партами? Самая непосредственная: при нормальном чтении книга должна находиться от глаз на расстоянии 30—35 сантиметров.

Слишком низкий или высокий стул, отсутствие опоры под ногами — все это может стать причиной близорукости. Многие педагоги в наших школах немало времени тратят на то, чтобы отучить первоклассников «писать носом». Ребята привыкли к этому дома, потому что родители ленились подкладывать для них на стул объемистую стопку книг, не следили, чтобы дети не опускали на край стола подбородок даже при таком невинном занятии, как раскрашивание картинок. Не следили они и за тем, что дети читают лежа, хотя всем известно: от этого может ухудшиться зрение. И если статистика показывает, что в школу приходит около десяти процентов детей с вполне определившейся близорукостью и дальнозоркостью, то виноваты в этом их родители.

Но не только родители.

Известно, например, что сред-

ний рост ребенка за последние 50—70 лет увеличился на 5—8 сантиметров. Дети стали более рослыми, чем были их деды и прадеды в том же возрасте. А парта, изобретенная около ста лет назад Ф. Ф. Эрисманом, остается почти неизменной. В железнодорожном районе города Москвы парта «поставлена на колеса». Она путешествует не только из класса в класс, но из школы в школу, по всему району, чтобы оказаться под стать ученику, который на нее сядет.

Но везде ли так поставлено дело? В школах начали приучать детей к труду, а политехнизация несовместима с покатой декой парты, на которой удобно лишь писать и читать.

Еще одна «близорукость»

Офтальмологи обследовали школы Тульской области. В классах одной из них стены были выкрашены темно-синей краской.

— Это заметно снижает освещенность,— заметили врачи директору.

— Поражаюсь! — пожал он плечами.— Вы ведь врачи-гигиенисты. А темный цвет стен — самый гигиеничный. Они не пачкаются, и в классе чисто.

Что же вреднее: мнимая опрятность или темнота?

Кстати, есть в Москве школа, где не только стены выкрашены белой краской, но и парты, и скамейки, и столы, и табуретки белого цвета, где даже доски не черные, а коричневые. И, тем не менее, здесь ничуть не ухудшилось санитарное состояние классов. Оказывается, сидя за светлой партой, ученик становится аккуратнее.

Не перечислишь всех пособников близорукости, но самый страшный пособник — это близорукость в кавычках, «близорукость» взрослых, от которой страдают дети.

Вот несколько примеров.

В одной из московских школ — она в числе лучших — детям во время перемены не разрешают бегать по коридорам; только чинная парадная прогулка туда и обратно. Но организм ребят нуждается в движении. Именно так он может восстановить нормальное функционирование всех органов, а кстати, и глаз, которые работают без отдыха все время, пока мы бодрствуем.

Или вот другая московская образцовая школа. Она всегда выглядит очень нарядной. На всех ее окнах стоят декоративные лесенки с цветочными горшками на каждой ступеньке, хотя доказано, что цветы на окнах снижают освещенность класса в два—три раза.

Бывает и хуже: в некоторых яслях и детских садах наклеивают на оконные стекла силуэты игрушек. Нижние части окон в классах замазывают матовым покрытием. Есть объяснение: школьники заглядывают на улицу и отвлекаются от урока. Но ребята отвлекаются на скучных уроках, и «оптические изгороди» на стеклах не сделают эти уроки интереснее. А вред от подобных искусственных бельм огромен. Во-первых, они снижают освещенность класса, во-вторых, ограничивают простор для зрения, без чего глазные мышцы не могут расслабляться и отдыхать.

Не секрет, что педагоги иногда рассаживают учеников отнюдь не по их способности видеть, а учитывая поведение ребят. И выходит, что шалуна с нормальным зрением сажают на первую, пусть даже тесную для него парту, а близорукого тихоню — на последнюю. При этом забывают, что дети никогда не осмелятся сказать, что они плохо видят. По их ребячьему понятию, это стыдно.

Юный пациент удивил одного из нас странным заявлением. Он особенно плохо видит, когда в классе дежурит его сосед по парте. Мистика? Нет. Оказалось, что сосед пациента по парте был несколько ленив и никогда не смачивал тряпку, которой стирают с доски надписи, сделанные мелом. Выходит, что и сухая тряпка влияет на остроту зрения детей.

Не последняя «мелочь»

Очки — это не только оптические линзы. Это еще и оправа. А некоторым нашим производственникам проблема красивой оправы кажется вопросом, не заслуживающим серьезного внимания, и они заблуждаются не меньше, чем дети, которые считают, что носить очки стыдно. Как бы вы ни убеждали старшеклассников надеть очки с оправой, будто скопированной с известного портрета Грибоедова, они таких очков на виду у своих товарищей носить не станут.

Нередко врачи прописывают очки совсем маленьким детям, дошкольникам. Трех — четырехлетний ребенок хранит их как зеницу ока. Проснувшись, он боится открыть глаза, пока ощупью не отыщет и не наденет очки: у маленьких детей не бывает ложного стыда, но его не так-то просто искоренить у подростков.

Изящные детские очки нужно делать и ради родителей, которые не желают «уродовать» лица своих детей даже под угрозой ухудшения их зрения.

* * *

Глаза детей — это дело не только офтальмолога и школьного учителя. О них должен помнить директор комбината, изготовляющего парты; редакция газеты, журнала и книги, назначая наборщику кегель шрифта; архитектор, обязанный заботиться о правильной ориентации школы по странам света, об увеличении оконных проемов, о светлой покраске стен противоположных зданий; завод, изготовляющий настольную лампу,— хорошо бы, кстати, пометить на ее донышке: какая мощность не опасна для зрения; завхоз, который вовремя сменит в школе перегоревшую лампочку, обеспечит хорошим мелом и правильно перекрасит доску.

Каждый год приемные комиссии в школах ФЗО и ремесленных училищах, высших учебных заведениях, авиационных школах и морских институтах говорят сотням и тысячам молодых людей: «Негоден». Человек вполне здоров, в нем, как пишет гражданка Уварова, «энергия бьет ключом», но он лишен возможности посвятить себя любимому делу. И почти во всех случаях виновником является не медицина, а наша «близорукость».

Почти в каждой семье есть дети, и потому от каждого из нас зависит, чтобы здоровыми и зоркими были их глаза.

Гора Калак-Таш: 1 — место установки лебедки; 2 — пещера с кладом. Пунктиром показано направление спуска альпинистов.

Фото автора.

Штурм таинственной пещеры начался

Сегодня я побывал в лагере альпинистов, которые решили разгадать тайну легендарного китайского клада (см. «Огонек» № 30).

Несколько палаток раскинулось на дне узкой долины у подножия горы Калак-Таш. В отвесном обрыве северного склона этой горы расположена таинственная пещера.

Дружный коллектив опытных альпинистов упорно, шаг за шагом, уже полмесяца добивается поставленной цели: овладеть таинственной пещерой, раскрыть ее тайну. Ударная группа из пяти человек — четырех мужчин и одной женщины — уже несколько суток живет на вершине горы.

В лагере, внизу, остался руководитель альпинистской экспедиции академик И. Е. Тамм.

Игорь Евгеньевич рассказал о ходе работ экспедиции:

— После детального осмотра горы Калак-Таш из всех вариантов проникновения в пещеру был избран спуск в нее с вершины обрыва на стальном тросе при помощи ручной лебедки. Подъем на вершину оказался возможным только с южного склона. По сложности это восхождение относится не менее чем к четвертой категории. (В альпинистской шкале всего пять категорий, и пятая самая трудная.)

Альпинисты решили поднять на вершину горы разобранную на части лебедку, трос, продукты, воду и необходимое снаряжение, чтобы затем приступить к штурму пещеры. В ходе этих работ один из наиболее опытных альпинистов, Н. Н. Федоров, оступился и получил ушибы, которые вывели его из строя. Пришлось ненадолго прервать работу. Это время было использовано для похода в другую, вполне доступную пещеру, расположенную в южном склоне горного хребта, восточнее горы Калак-Таш. Здесь, согласно легенде, жили, спасаясь от морозов, воины, заложившие клад. В этой пещере уже были сделаны находки в прошлом.

Игорь Евгеньевич и его спутники проникли вглубь на 300 метров. Местами пещера имеет до 15 метров в ширину и более 10 метров в высоту. Есть тут и разветвления. До конца пещеры дойти еще не удалось. Пока осмотрели ее бегло. Альпинисты полагают, что после выполнения основной задачи экспедиции, связанной с поиском клада, они основательно займутся и этой пещерой.

...Наконец все необходимое снаряжение доставлено на вершину горы Калак-Таш. Ударная группа осталась там ночевать, чтобы с утра взяться за дело — укрепить в намеченном месте лебедку и подготовить все необходимое к штурму пещеры.

Спускаться будут сразу два человека на одном тросе. Один из них будет вооружен ружьем, так как в пещере замечено гнездо огромного пернатого хищника. Он залетал в свое логово на глазах у альпинистов и часто кружил у вершины горы, обеспокоенный, видимо, появлением людей.

Академик И. Е. Тамм, оставшись у подножия обрыва, непрерывно, с утра до вечера, несет дежурство. Он внимательно наблюдает в бинокль за вершиной горы, где на огромной высоте по скалам передвигаются крошечные фигурки смельчаков, заканчивающих приготовления к спуску в таинственную пещеру.

В. КИСЛОВ,
участник Памирской геологической экспедиции.

Восточный Памир.

* * *

Опубликованная в № 30 «Огонька» корреспонденция «На поиски легендарного клада» вызвала большой интерес у читателей. В редакцию поступило много писем, в которых читатели дают свои советы, как легче и скорее проникнуть в пещеру.

Читатели В. Ефашкин (г. Чкалов), Ф. и С. Кольберт (г. Клайпеда), В. Некоркин (г. Горький), А. Ершов (Свердловская область), военнослужащий П. Петров и другие предлагают использовать вертолет, посредством которого, по их мнению, можно забросить в пещеру тросы, вроде гарпунов, или же вдвинуть ко входу в пещеру трап, или применить так называемую вращающуюся люльку, или пустить в ход раздвижную пожарную лестницу.

Некоторые читатели, например, москвич С. Пищальников и другие, предлагают произвести спуск с вершины горы на тросе и использовать бензиновый моторчик, который позволит преодолеть естественное препятствие в виде выступа над пещерой и придвинуться вплотную ко входу в нее. А. Цурко (г. Гомель) советует альпинистам применить аэростат, с которого можно перебросить ко входу в пещеру жесткую лестницу. А. Егоров (Москва) считает, что можно использовать для подъема участников экспедиции небольшой воздушный шар. И. Голубков из Витебска опасается, как бы от взрывных работ не произошел обвал в пещере, и предлагает забросить из гарпунной пушки канат в пещеру, а затем уже по этому канату пробраться в нее.

ЛАБОРАТОРИЯ В КОКУБУНДЗИ

Масахачу ХАТАНАКА,
японский журналист

В маленьком городке Кокубундзи, где останавливается пригородный поезд из Токио (линия Тюо), расположена научно-исследовательская радиолаборатория министерства связи Японии. Поезд из Токио идет туда один час. От станции в Кокубундзи до лаборатории ходит автобус. Несколько минут машина идет по узким улицам, затем за окном виднеется зеленое поле ячменя, и наконец автобус останавливается перед входом в лабораторию. За воротами — широкий зеленый ковер травы с цветами. В углу даже высятся большие сосны. Здесь и там виднеются одноэтажные и двухэтажные деревянные дома и множество высоких радиомачт. Для того, чтобы пересечь всю территорию из угла в угол, нужно затратить десять минут... Здесь расположен Центр оповещения западной части Тихого океана по проведению Международного геофизического года.

Я встретился с доктором Хироюки Уэда в его служебном кабинете, расположенном в одном из двухэтажных деревянных домов, который находится в самом центре территории, занимаемой лабораторией. Доктор Уэда — вице-директор лаборатории и в то же время руководитель Центра оповещения по проведению МГГ в Кокубундзи. Он один из выдающихся ученых по изучению ионосферы.

Узнав о причинах моего визита — подготовить репортаж по просьбе «Огонька», — ученый принял меня и тотчас же согласился оказать всяческое содействие. Он вспомнил о конференции, устроенной Региональным, то есть объединяющим несколько стран, центром оповещения западной части Тихого океана и состоявшейся в феврале этого года в Токио. На конференции присутствовали трое советских ученых: член-корреспондент Академии наук СССР В. В. Белоусов, радиоинженер Н. В. Медникова, доктор физико-математических наук Е. Ф. Саваренский.

Доктор X. Уэда в своем кабинете.

Я задал доктору Уэда несколько вопросов, касающихся работы Центра. Какие, например, страны он охватывает?

— Страны тихоокеанского региона — Австралию, Филиппины, Индонезию и Новую Зеландию, — ответил доктор.

Затем ученый объяснил, как Центр работает в эти напряженные дни начавшегося МГГ. Сообщения из Вашингтона поступают очень часто — почти каждый день. Их принимает радио Дальневосточного командования США в Токио. А с Токио Центр в Кокубундзи имеет прямую связь по телетайпу. По мощному передатчику эти сообщения из Кокубундзи до 9 часов утра передаются в страны западной части Тихого океана. В то же время по телефону быстро оповещаются четыре станции в Японии: в Вакканай (Хоккайдо), Ямакава (префектура Кагосима), Акита, Хирайсо, а также девятнадцать заинтересованных организаций: университеты, лаборатории, обсерватории, институты... Потом японский Центр собирает сведения о наблюдениях со всех пунктов и стран и направляет их в Мировой центр оповещения в США. И каждый день после обеда эти сведения семь раз передаются по радиовещанию четырем странам региона и в Европу...

Как раз во время моего визита Центр был в известном напряжении, поскольку только что было получено сообщение из Мирового центра оповещения об особом всемирном интервале (наблюдения ведутся, как известно, в определенные дни и периоды — интервалы).

Доктор Уэда направил меня на передаточную станцию «Урси грэм», расположенную в одноэтажном стар採ньком деревянном коттедже, стоящем отдельно на покрытой зеленой травой лужайке... В апреле этого года этот коттедж был несколько расширен. В нем установили новый передатчик, аварийную электромашину, генератор. Все это было сделано для того, чтобы во всеоружии встретить МГГ.

Вокруг дома возвышаются три радиомачты для прямой связи с Австралией, Новой Зеландией, Индонезией, Филиппинами и Европой.

Кокубундзи связан и с СССР. Через службу Великого северного пути приходят сведения из Москвы, а Москва получает нашу информацию через Региональный центр в Париже.

— Разрешите напомнить содержание сведений, направляемых в Москву, — говорит доктор Уэда. — Это данные о пятнах на Солнце, о периодах действия взрывов или вспышек, неожиданных возмущениях в ионосфере, магнитном поле Земли, космических лучах. Из Москвы мы получаем такие же сведения.

Затем доктор Уэда рассказал о задачах японских геофизиков в МГГ. Все объекты наблюдений разделены на 14 дисциплин. Наиболее интересные из них — изучение ионосферы, земного магнетизма, нагретости воздуха, ядерной радиации, а также работы по океанографии, метеорологии и сейсмологии. Работники японских станций все свои силы и старания прикладывают для более тесного международного сотрудничества. Научно-исследовательская радиолаборатория, занятая изучением ионосферы, производит наблюдения каждые 15 минут вместо одного раза в час, а в особые мировые интервалы оповещения — даже каждые 5 минут. Метеорологическое агентство в Токио и университеты ведут не регламентируемые во времени наблюдения за верхними слоями атмосферы и Солнцем. Создана специальная установка, которая автоматически ведет эти наблюдения. Такие установки расположены в 13 пунктах на территории Японии, а одна направлена на базу японской антарктической экспедиции. Институт технического производства при Токийском университете планирует запуск крупных ракет.

В июне отправилась в путь первая океанографическая экспедиция по проведению МГГ. В этот день три корабля Метеорологического агентства в Токио и один корабль японской службы морской безопасности покинули Токийскую бухту. Они были заняты наблюдением течения Куросио в западной части Тихого океана. Другой план Японии заключается в наблюдении за циркуляцией воды на глубинах вдоль течений. Наши организации взяли на себя большую ответственность — провести наблюдение за 140-м градусом восточной долготы.

— Наконец, разрешите назвать вам имена наиболее выдающихся японских геофизиков, астрономов и сейсмографов, которые участвуют в МГГ, — говорит X. Уэда. — Это профессора Токийского университета Такеси Нагата, Такадзи Хидака, Такево Хатанака, профессор университета в Киото Кеници Маеда, президент астрономической обсерватории в Токио Макадзи Миядзи и другие.

Радиостанция «Урси грэм».

«ЗАРЯ» УХОДИТ В ПЛАВАНИЕ

Покачиваясь слегка на волнах, у причальной стенки Ленинградского морского торгового порта стоит парусно-моторная шхуна «Заря». Среди находящихся тут же под разгрузкой океанских судов она выглядит крохотным деревянным суденышком старого парусного флота. А между тем, несмотря на свой сравнительно небольшой размер, шхуна может совершать дальние и сложные плавания с не меньшим успехом, чем океанские корабли.

...«Заря» уходит в плавание. Только через восемнадцать месяцев вернется она домой. Поднимаемся на борт. Тридцатиметровые мачты, казавшиеся издалека тоненькими, устремленными ввысь столбиками, вблизи выглядят могучими стволами многолетних деревьев. Паруса и лодки в свежих брезентовых чехлах. Все сверкает новизной. И чем дольше ходишь по палубе, заглядываешь в надстройку, спускаешься в помещения, тем больше убеждаешься в необычности этого маленького корабля. Тут много дерева и почти нет стали и чугуна. Такое впечатление, будто шхуна выдолблена из одного цельного куска дерева.

«Заря» — немагнитное судно. Оно предназначено для исследований различных явлений, связанных с магнитным полем Земли на водной поверхности. И это не могло не сказаться на конструктивных особенностях его и оснастке. Якоря, якорные цепи, люки, поручни, брашпили, швартовы и многое другое, что на обычных судах из стали и чугуна, на шхуне латунное, бронзовое. Даже в двигателе, там, где это было возможно, сталь и чугун заменены цветными сплавами.

Шхуна оснащена современными навигационными приборами. В любую погоду и любое время года она, пересекая моря и океаны, может идти точно по заданному курсу. В носовой и кормовой частях ее оборудованы научные лаборатории. На «Заре» небольшой научный коллектив — всего десять человек. Но план исследований у них обширный.

— Наше плавание, — сказал начальник экспедиции кандидат физико-математических наук М. М. Иванов, — совершается по программе Международного геофизического года. В нашу задачу входит составление магнитных карт океанов.

...В порту раздается гудок сирены. Медленно «Заря» отходит от причала и следует по морскому каналу. Ее путь лежит там, где некогда пронесли флаг Родины знаменитые русские мореплаватели — Крузенштерн, Лазарев, Головнин... Шхуна пойдет вдоль берегов Дании, Англии, Канады, посетит порты Южной Америки, Индии, Австралии, Китая, Японии. Несколько раз «Заря» пересечет Атлантический и Индийский океаны... В общей сложности она пройдет свыше 50 тысяч миль!..

К. ЧЕРЕВКОВ

Советские туристы в Австрии

В. ЛОМОВА

Фото автора и А. НОВИКОВА.

В нашей группе советских туристов — двадцать четыре человека. Эта поездка в Австрию — ответ на посещение Советского Союза в прошлом году австрийским «Поездом мира».

Уже на маленькой пограничной станции нас встретили знакомые по Москве австрийские друзья, некоторые из них сели в поезд и сопровождали до Вены. Еще более теплая встреча ожидала нас в австрийской столице. Перрон был наводнен людьми и цветами. Профессор Хуго Глазер, председатель Австрийско-Советского общества, шутливо сказал в своей речи: «Ваш приезд в Австрию мы встречаем, как хорошую премьеру, а хорошая премьера обязательно должна будет праздновать и свой юбилей».

Наша «премьера» проходила в теплой, дружеской обстановке. Мы повидали Верхнюю и Нижнюю Австрию, Штирию, Каринтию, Тироль, Зальцбург, и везде советских туристов встречали приветливо и сердечно.

Штирия... Дорога кружит по склонам лесистых, пока еще не очень высоких гор. Если глядеть в окно автобуса назад, горизонт с каждой минутой все расширяется, открывая гористую, сплошь покрытую зелеными лугами и лесами местность с серой вьющейся ленточкой шоссе и разбросанными кое-где игрушечными домиками, из-за которых неизменно выглядывает островерхая церковь.

На перевале за Земмерингом нас ожидала... зима. Здесь не часто выпадает снег в последних числах мая, но погода, очевидно, решила именно в эти дни сыграть с нами такую шутку. Мы тут же воспользовались ею: очень приятно было поиграть в конце мая в снежки!

Во время путешествия мы будем еще не раз покидать лето с пышной листвой цветущих каштанов и яблонь, зелеными виноградниками у подножия гор и вступать в царство снегов, с белыми спокойными елями и лыжниками на склонах. Так и сейчас: спускаемся в долину — становится теплее, и лишь белые цветы, сплошь покрывающие яблони, напоминают о снеге там, на перевале.

Дорога бежит дальше. Вот Капфенберг, промышленный город. Здесь самые большие в Австрии сталелитейные заводы. Вот местечко Риглерс, где родился и жил Петер Розеггер, известный австрийский писатель. Городки сменяются один другим, и в каждом улавливаешь какие-то своеобразные черты; неизменны только щиты реклам и бензиновые колонки фирм Эссо и Шелл; они, как верстовые столбы, сопровождают нас всю дорогу.

Грац — второй по величине город Австрии. Река Мур делит его на две части. На левом берегу — старый город с средневековой крепостью, университетом, основанным в XVI веке; на правом — новые районы с современной промышленностью; здесь бумажные фабрики, металлургические и машиностроительные заводы, завод мостовых конструкций, поставляющий свои изделия во многие страны.

В узких улочках старого Граца на каждом шагу — приметы старины. На одном из домов — причудливые водосточные трубы с желобами в виде раскрывших пасть драконов; из окна верхнего этажа другого дома выглядывает фигурка турка в чалме. Это значит, что дом когда-то принадлежал богатому вельможе, который во время войны с Турцией был освобожден от постоя солдат.

На горе стоит крепость, куда ведет лестница, высеченная в крутой, почти отвесной скале; в свое время крепость выдержала не одну осаду и турок и французов. В наше время гору и крепость осаждают туристы, желающие полюбоваться отсюда городом. Предприимчивый хозяин держит здесь ресторан.

В зале этого ресторана комитет защиты мира Штирии устроил для нас дружескую встречу. Народу собралось много. Каждому из нас преподнесли засушенный цветок эдельвейса, растущего высоко в Альпах. Для того, чтобы его сорвать, нужна ловкость и храбрость, и те, кто отправляется за эдельвейсом, не всегда возвращаются обратно — так рассказывали нам жители Граца.

Две девушки в живописных костюмах пели под звуки национальных инструментов песни горцев. Потом нам показали местные танцы с ритмичным притопыванием и прихлопыванием ладонями по подошвам.

Особенно запомнился танец шахтеров. Его исполняют четыре человека в темноте. В руках у каждого маленький шахтерский фонарик и молоточек. Танец состоит из движений, напоминающих работу шахтера в забое, ритмичных притопываний и легкого постукивания молоточком по железной палочке в такт сопровождающей музыке. Во время танца шахтеры поют старинную песню о тяжелом горняцком труде с припевом: «Если бы мы не работали, из чего была б твоя корона, император?..»

В Клагенфурте, главном городе Каринтии, на вечере, организованном тамошним комитетом мира, за нашим столом сидела простая приятная женщина. Она рассказала, что ее муж три года просидел в гитлеровском концентрационном лагере; сейчас он больной человек. Старого наборщика, сидящего рядом, волновал вопрос о сближении между народами. Важным средством такого сближения он считает распространение общепонятного международного языка — им мог бы быть, по его мнению, эсперанто, который он изучает...

В городке Филлах, откуда железные дороги ведут в Италию и Югославию, нам бросился в глаза небольшой, но яркий плакат, висящий у входа в кирху рядом с объявлениями о предстоящих службах и проповедях. На фоне земного шара с неясными контурами материков изображен мирно спящий ребенок, а над ним вздымается клубящийся гриб взрыва атомной бомбы. Из дыма вырисовывается скелет, его костлявые руки тянутся, чтобы задушить спящего ребенка. Смысл подписи под плакатом сводится к тому, что людям надлежит обратиться к церкви,— только в этом спасение от ужасов атомной войны.

Плохо завуалированное желание церковников извлечь выгоду из страха перед водородной бомбой вызвало иронические замечания наших австрийских друзей.

Грос-Глокнер — одна из самых высоких вершин Австрийских Альп (3 798 метров). Чтобы посмотреть на нее, поднимаются в автобусах по специальной высокогорной шоссейной дороге на высоту «Франц-Иосиф». Склоны гор, обступивших долину, откуда наша машина начала подъем, изобилуют водопадами. Есть и совсем маленькие, и большие, стремительно срывающиеся с кручи, и более спокойно льющие свои струи — целая коллекция водопадов, словно кто-то нарочно собрал их здесь.

Шоссе неуклонно поднимается вверх, к Грос-Глокнеру. Прямо за кромкой дороги — пропасть, уходящая куда-то в бесконечность. Птицы сперва парят на одном уровне с нами, но скоро и они остаются где-то внизу. Облака, которые снизу казались такими живописными и густыми, охватывают нас клубами неприятного редкого сероватого тумана.

«Вот что такое облако при ближайшем рассмотрении»,— философски замечает кто-то. Хочется записать это замечание, но не тут-то было: из ручки от перемены давления вылились чернила.

Автобус наш остается на одной из трех асфальтированных площадок, а мы поднимаемся выше, к ресторану, под вывеской которого стоит цифра высоты — 2 418. Но, увы, Грос-Глокнер, из-за которого и совершено это путешествие ввысь, плотно окутан облаками. И вдруг — о счастье! — облака рассеиваются, могучая горная вершина во всей своей ослепительной красе предстает перед нами. Все усердно щелкают фотоаппаратами. Но Грос-Глокнеру, наверно, давно уже надоело сниматься, и он быстро скрывается за облаками.

...Снова маленькие городки. В Роттенберге сохранилось много построек XVI века; в сочетании с окружающей тирольской природой это выглядит как готовая декорация для пьесы или фильма. Впрочем, городок и используется для этих целей: в нем снимаются исторические кинокартины, и магистрат получает деньги за то, что старинные городские стены появятся на экране.

Мы в главном городе Тироля —

Вид на город из парка Бельведер.

ВЕНА

Фото А. НОВИКОВА.

Дневной доход.

Старые венцы.

На извозчичьей бирже возле оперного театра. В ожидании седоков.

[illegible] на Кертнерштрассе.

Подземный переход на Ринге, главной улице Вены.

Встреча в монастыре Хайлигенкройц.

Инсбруке. Свою историю он ведет еще со времен Римской империи, с XII века упоминается как город. Здесь сохранились дома XV—XVI веков. В их тени как бы дремлет ничем не потревоженное средневековье. Но стоит покинуть эти переулочки и свернуть на главную улицу — улицу Марии Терезии, как картина меняется: витрины современных магазинов, снующие во все стороны автомобили... Царит атмосфера капиталистического города, главные доходы которому приносит туризм. В окрестных горах любители лыжного спорта могут заниматься им круглый год.

В отеле «Централь» нас радушно приветствовал его владелец, восьмидесятилетний старец Фолькнер, в прошлом году посетивший Москву и Киев. «Я в восхищении от Москвы», — говорит он. Фолькнер потребовал, чтобы мы обязательно выслушали историю, которая произошла с ним в Киеве. Каким-то образом он выронил в окно автобуса «новую, чудесную шляпу». Очень скоро шляпа была ему доставлена. Ее подобрал какой-то мальчик, спросивший при этом, не предмет ли это музейной старины: на марке шляпочной фирмы стоял 1856 год... Поразила Фолькнера глубокая убежденность советских людей в правоте своего исторического дела: его русские и украинские собеседники твердо отстаивали советский образ жизни, его принципы.

Снова мы внизу, снова солнечно, и особенно веселым кажется тирольский ландшафт. Луга у подножий зеленых мохнатых гор сплошь усыпаны желтыми лютиками, ромашками, кое-где сено убрано в маленькие острые стога, непривычные для нашего глаза. Земля здесь принадлежит помещикам и кулакам. Об этом напоминают небольшие колокола на коньках домов, — звон их созывает батраков на обед.

...Все путеводители для туристов в один голос оповещают, что Зальцбург — один из красивейших городов Европы. Он действительно напоминает музей, в котором на открытом воздухе собраны прекрасные образцы старинной архитектуры, церкви, соборы, резиденции архиепископов, фонтаны на площадях, старые башни и триумфальные ворота, дворцы, парки.

В центре города, на горе Менхсберг, возвышается крепость. Ее начали строить еще в XI веке. Серые зубчатые стены и башни так слиты с вершиной горы, что кажутся ее неотъемлемой частью. Город был в свое время заново отстроен одним из архиепископов, правителей Зальцбурга, в стиле барокко. Здесь множество архитектурных ансамблей, так удачно сочетающихся с окружающей природой — грядой Альп и извивами реки Зальцах,— что так и просятся на полотно художника, вернее, производят впечатление, что они с этого полотна сошли. Из многочисленных зальцбургских церквей несколько построено знаменитым архитектором Фишером фон Эрлахом, который воздвиг и известную Карлскирхе в Вене.

Но есть в Зальцбурге три небольших здания, которые не блещут архитектурной пышностью, а вместе с тем это самые посещаемые туристами здания. Все три связаны с именем великого Моцарта.

В четырехэтажном, выкрашенном сейчас в розовый цвет доме на Гетрайдегассе, 9, была квартира, в которой семья Моцарта прожила тридцать лет. Здесь родился гениальный музыкант, отсюда ребенком уезжал он со своим отцом на гастроли в Вену, Германию, Францию, Голландию, Англию.

В квартире два клавесина. На одном из них маленький Вольфганг начал подбирать услышанные мотивы, а потом впервые обучаться музыке. Другой, меньший клавесин Моцарт брал с собой в свои дальние странствия. На стенах портреты маленького Моцарта и его сестры Нанерль, музыкально одаренной девочки, выступавшей вместе с братом в его первых гастролях. Дети изображены в пышных нарядах, полученных в знак особой милости от Марии Терезии после того, как они выступили перед ней и ее двором. На этом, впрочем, и окончились милости императрицы. В дни, когда молодой Моцарт особенно нуждался в поддержке и заработке, Мария Терезия писала своему сыну, эрцгерцогу Фердинанду: «Вы спрашиваете меня, взять ли вам в услужение молодого зальцбуржца? Не знаю, что вам сказать, так как не уверена в том, есть ли у вас необходимость в композиторе... Я говорю это для того, чтобы вы не обременяли своего двора людьми бесполезными, в особенности людьми подобного типа...»

В музее хранится несколько партитур произведений Моцарта. Среди них — вещи, записанные в детском возрасте в тетрадь сестры: у мальчика еще не было собственной нотной тетради. Здесь же партитура «Свадьбы Фигаро», поражающая малым количеством помарок.

Во второй дом семья Моцартов переехала, когда материальные дела ее улучшились. А третий, маленький одноэтажный деревянный дом, стоит в парке замка Мирабель. Дом был перевезен на родину композитора из Вены. Возле него в дни музыкального фестиваля, который проводится в Зальцбурге летом, исполняются произведения Моцарта...

С Зальцбургом связано и имя писателя Стефана Цвейга. Здесь прожил он больше 25 лет и уехал отсюда в 1937 году, спасаясь от преследований фашистов. О последних годах жизни писателя рассказывала младшая сестра Стефана Цвейга, Ольга. Ей сейчас 72 года. В период травли брата гитлеровцами она сама просидела полтора года в тюрьме, а затем находилась в концентрационном лагере. Она знает, что к своему решению покончить жизнь самоубийством (Стефан Цвейг и его жена приняли яд) брат пришел в результате сильного душевного потрясения: ему сообщили, что фашисты сжигают и уничтожают его книги, рассказали, как бесчинствуют они в Европе. Ему казалось, что выхода нет, что все кончено и фашистские варвары погубят культуру и человечество.

В прошлом году, рассказывала Ольга Цвейг, к ней в Зальцбург явился некий господин (фамилию она из деликатности не назвала) из Соединенных Штатов. Он попросил у нее все, что осталось как память о брате: фотографии, письма. Все это требовалось для выставки, которую этот американец собирался устроить в Вене. Обещав сразу же после закрытия выставки возвратить все документы владелице, предприимчивый бизнесмен удалился, и до сих пор о нем ни слуху, ни духу. Ольга Цвейг писала ему несколько раз на оставленный адрес, но ответа не получила.

На мой вопрос, писала ли она что-нибудь о брате, Ольга Цвейг сказала, что не обладает таким талантом, но что ей сейчас приходится упражняться в особого рода «литературном творчестве»— писать прошения об увеличении пенсии. Недавно послано очередное письмо правительству. Каково будет исход?

Ольга Цвейг одной из первых вступила в Зальцбургский комитет защиты мира.

...Проделав более тысячи километров в автобусе, мы приехали в Вену. На ее улицах бросаются в глаза контрасты, какими отмечены в наше время все капиталистические столицы Европы. На перекрестке можно увидеть инвалида войны, просящего подаяние у элегантной дамы, вышедшей из дорогого лимузина. В толпе скромно одетых венцев то промелькнет американская девица в узеньких брюках до щиколотки, то заокеанский делец в кричащем галстуке.

Но поспешим лучше к знаменитому средневековому готическому собору Святого Стефана. Его остроконечные шпили, мощно устремленные вверх, вырисовываются на фоне неба словно сплетенные из серых кружев. Совсем другая — Карлскирхе с ее большим зеленым куполом и витыми колоннами у портала...

В центре Вены — Хофбург, бывшая резиденция всех австрийских императоров. Вместе с зданиями музея искусств, исторического музея и дворцовых конюшен напротив Хофбург был задуман как большой архитектурный ансамбль, который так и остался незаконченным.

Не редкость встретить сегодня в Вене разрушенные дома — это следы войны. Да, война! Многие, с кем пришлось нам встретиться в Австрии, тяжело пострадали от нее, сидели в концентрационных лагерях, потеряли близких. Мария Кратохвил рассказала нам свою историю, так похожую на историю очень многих. Ее муж, владелец небольшой меховой мастерской, во время войны доставлял пищу и одежду русским военнопленным. Фашисты его убили. «Я ненавижу фашистов и войну»,— говорит Мария.

Несмотря на разницу во взглядах на многие вопросы жизни, мы, как правило, находили общий язык с австрийцами, когда речь заходила о мире. Хорошо сказал Вильгельм Штейнер, один из видных деятелей австрийского движения за мир: "Слово «мир» не нужно переводить, если оно сказано сердцем. Люди, не желающие войны, прекрасно понимают друг друга».

Таких людей много в Австрии. С этим убеждением мы покидали эту страну.

НА СНИМКАХ:
Памятник Моцарту в Зальцбурге.
Вена. У витрины на Марнахильферштрассе.
В городском парке Вены. Продажа хлебных палочек.

Счетчик переписи Р. Капитанова, старейшая жительница Мелихова Неонила Андреевна Вашкина, ее внучка Рая и дочь Мария Гавриловна Басова.

ПРОБА

С. МОРОЗОВ

Фото Риммы Лихач.

Со студенткой Розой Капитановой мы повстречались в лесу на размытой дождями проселочной дороге между деревнями Бершово и Мелихово. Авторучка в кармане жакета и пухлая, перевязанная тесемками папка под мышкой указывали, что владелица их участвует в переписи населения, о которой извещали многочисленные объявления, расклеенные повсюду в Чеховском районе, Московской области.

— Замечательно это — счетчиком быть,— весело говорила Роза,— столько листов за день заполнишь, столько людей повидаешь! Сейчас вот иду и все про Антона Павловича думаю: он ведь тоже когда-то проводил здесь перепись, ту самую, древнюю, еще при царе...

Розе двадцать один год от роду. И, естественно, первая всеобщая перепись населения Российской империи представляется ей событием вековечной давности. Потому и не терпится девушке попасть в музей, глянуть на хранящийся там полотняный портфель, в котором Антон Павлович носил переписные листы, на свидетельство, выданное шестьдесят лет назад «счетчику 4-го переписного участка Серпуховского уезда Московской губернии дворянину Антону Павловичу Чехову».

И вот вместе с Розой мы бродим по тенистым липовым аллеям, любуемся крохотным игрушечным флигельком — в нем была написана «Чайка»,— перечитываем чеховские письма, датированные январем — февралем 1897 года.

...«Перепись, перепись и перепись, все время и все человеки заняты переписью, и мой рояль весь завален листами... Приходилось и считать, и писать до боли в пальцах...».

Да, видно, нелегко было учитывать жителей в стране, где грамотой владело меньше четверти населения, где царь, заполняя переписной лист, в графе «главное занятие» писал «хозяин земли русской», а царица на вопрос о родном языке отвечала «немецкий».

Чехов-статистик не оставил цифр о дореволюционном Мелихове. Но историческим свидетельством нищеты и жестокости крестьянской жизни дошел до нас рассказ «Мужики», созданный в Мелихове вскоре после переписи.

О том, как живут сегодня потомки мелиховских мужиков, можно судить по колхозу имени Чехова.

Новую небольшую улочку вдоль шоссе образуют недавно отстроенные жилые дома. За музеем и парком тянутся крепкие каменные постройки скотного двора, силосные башни, нарядно побеленные здания бани, колхозного клуба.

В деревне у дверей увитого плющом домика, над крышей которого высится телевизионная антенна, нас встретила Неонила Андреевна Вашкина, старейшая жительница Мелихова, современница Антона Павловича.

— Входи, входи, милая, гостьей будешь,— радушно приветствовала она Розу Капитанову и, усадив ее на скамейку в саду, крикнула в раскрытое окно: — Маша, Рая, подите-ка сюда.

Из дому вышли дочь бабушки Неонилы, колхозница Мария Гавриловна Басова, и внучка, черноглазая Рая.

— Аркаши, жаль, нет, на экзамены уехал,— вздохнула старушка и, помолчав, подумав о чем-то, прищурившись, глянула на раскрытый счетчиком переписной лист:

— Мала бумага... не упишутся тут все мои. Ведь, кроме Маши с ребятами, у меня еще пять дочерей да сынов двое, а внуков да правнуков девятнадцать душ.

По разным уголкам родной страны разъехались многочисленные потомки бабушки Неонилы: рабочие, учителя, инженеры. Все в люди вышли при Советской власти. Учатся и самые младшие, работающие в колхозе: Аркадий поступает в техникум, Рая перешла в девятый класс.

Семья Неонилы Андреевны Вашкиной — одна из многих в Мелихове. Сотни записей в переписных листах сделаны в этой деревне. А всего по району их наберется не один десяток тысяч.

Семь районов и городов нашей Родины были избраны для пробной выборочной переписи населения, проводившейся в первой половине августа. Каждый из них характерен своими особенностями географии и экономики, специфическим составом населения. Результаты пробной выборочной переписи помогут лучше подготовиться к всесоюзной переписи населения, которая состоится в 1959 году.

Почти два десятилетия отделяют страну от последней всесоюзной переписи 1939 года. Те советские люди, кто в ту пору только вступал в жизнь, стали теперь взрослыми гражданами, приобрели специальности, обзавелись семьями, переехали на новые местожительства. Численность, состав и размещение населения, как в зеркале, отразят пройденный нашим народом путь, дадут ценнейшие материалы для планирования дальнейшего развития народного хозяйства.

Деловиты, немногословны и внешне очень похожи друг на друга переписные листы 1939 и 1957 годов. Но вчитаемся в них внимательнее. Если раньше в графе «Грамотность» стояли пункты: «Читает и пишет», или «Только читает», или «Вовсе неграмотен», то теперь переписной лист подробно опрашивает каждого об уровне образования («высшее», «среднее специальное», «среднее общеобразовательное» и т. д.).

О больших переменах в судьбах людей, в облике родной земли расскажет перепись.

— Вроде и на старом месте стоит наше Стремилово, а разве сравнишь прежнюю артель «Восток» с нынешним укрупненным колхозом имени Хрущева? — говорит колхозник Михаил Максимович Макаров, бессменный на протяжении почти двадцати лет председатель сельсовета.— И по посевам, и по скоту, и по доходам самый большой наш колхоз сейчас в районе.

Загибая пальцы, Макаров перечисляет статьи растущего общественного богатства: тут и высокие надои молока, и ранний картофель, и богатый урожай семенного клевера, и рыболовство в новом, недавно запруженном водоеме, и утиная птицеферма.

— А людей возьмите: что ни семья — всюду новые работники подросли. Где доярка, где полевод, где тракторист, а где и специалисты с дипломами. У Бобовых сын Михаил, который в прошлую перепись еще в школу бегал, нынче механиком в МТС. Матвеева Аннушка, Анной Петровной ее теперь величают, педагогический институт окончила, в колхозной семилетке преподает.

Учительствует в соседней деревне Сенино и недавняя стремиловская колхозница Нина Михайловна Родина, а младший брат ее, Александр, теперь в городе — инженером на заводе.

Завод и город, где работает и живет Александр Михайлович Родин, совсем недавно появились на карте района. Еще зеленеют огороды и колосятся поля рядом с корпусами и кварталами больших каменных домов близ железнодорожной станции Лопасня. Но заводская марка «Гидростальконструкция — г. Чехов» уже широко известна и на Куйбышевской ГЭС, и на Ангаре, и на Иртыше.

В доме на Вокзальной улице, куда мы пришли вместе со счетчиком, дверь квартиры открыла молодая женщина.

— Вам которого Родина? Старшего или младшего? — шутливо переспросила она, тихонько, на цыпочках проходя в комнату.

Младший Родин — трехнедельный Андрейка — крепко спал в своем белоснежном конверте, а старший — отец его, Александр Михайлович,— сидел за столом над раскрытыми книгами. Худощавый и подвижной, совсем юный с виду, он чуть покраснел, когда мы назвали его инженером.

— Пока только по должности инженер, а по образованию еще только техник. На пятый курс в заочном институте перехожу.— И, знакомя с женой, добавил не без гордости: — Моя Лида — тоже студентка-заочница, будущий педагог.

Растут жилые кварталы молодого города Чехова.

Примечания к победе

В. ВИКТОРОВ, А. КУЛЕШОВ

Заключительный парад III Международных дружеских спортивных игр молодежи.

ЧТО БОЛЬШЕ ВСЕГО ВОЛНУЕТ

Когда присутствуешь на таких комплексных, больших соревнованиях, как дружеские игры, не устаешь поражаться бесконечному разнообразию спортивного зрелища. Двадцать три вида спорта! И в каждом — своя специфика, свои законы, свое напряжение. Но центральными, без сомнения, являлись два вида спорта: легкая атлетика и гимнастика. Такова уж традиция всех состязаний олимпийского типа.

Побывавшие во Дворце спорта стали свидетелями исключительно интересной борьбы. Когда советские гимнастки начали свое выступление, их главные соперницы — румынки и японки — уже закончили произвольную программу, которой и ограничивались соревнования. Лучший результат показала призер Олимпийских игр Елена Леуштяну-Теодореску. Почти вплотную за ней шла японская гимнастка Кэйко Танака, но не только эти две спортсменки были серьезными соперницами каждой советской гимнастки: самыми опасными для нее являлись подруги по команде. Здесь почти все могли претендовать на титул абсолютной чемпионки, даже семнадцатилетняя дебютантка из Воронежа Тамара Люхина. Но зрители, разумеется, особенно внимательно следили за выступлением Ларисы Латыниной, абсолютной чемпионки XVI Олимпийских игр. И вот на втором снаряде—бревне—Латынина сорвалась, не закончила упражнение и получила низкую оценку. Казалось, что поражение олимпийской чемпионки неизбежно, но, проявив огромную силу воли, она получила максимальное количество баллов (10) на прыжке, завоевала первенство по вольным упражнениям и стала абсолютной чемпионкой Третьих игр.

Не меньше самообладания потребовалось Борису Шахлину, чтобы обогнать замечательного японского гимнаста Такаси Оно. Оно завоевал, так же, как и в Мельбурне, серебряную медаль. Но в Мельбурне японский спортсмен боролся за первенство с Виктором Чукариным, в Москве же Чукарин выступал в роли тренера.

С удивительным примером коллективной воли столкнулись зрители финального матча баскетбольных команд Венгрии и СССР. Венгерские спортсмены в добавочные пять минут, в последние секунды при равном счете успешно произвели бросок с двадцати метров. Этот бросок дал им право на золотые медали.

Много таких волнующих моментов наблюдали зрители. Горячо аплодировали они китайскому штангисту Чэнь Цзин-каю, который, выступая в легчайшем весе, установил новый мировой рекорд в толчке, подняв 139,5 килограмма. Порадовали нас и советские штангисты, установившие в тяжелоатлетическом троебории два мировых рекорда: Е. Минаев (полулегкий вес) поднял 355 килограммов, а В. Бушуев (легкий вес) — 385 килограммов. А сколько волнений доставил посетителям плавательного бассейна Владимир Минашкин! В борьбе с высоким результатом, показанным во время предварительного заплыва китайским спортсменом Чи Ли-юнем, Минашкин на дистанции 200 метров классическим брассом показал время, которое всего на три десятых секунды хуже мирового рекорда — 2 минуты 40,3 секунды.

Исключительные волевые качества проявили волейболисты. Их турнир по напряжению оказался одним из самых интересных. Советской команде путь к первенству преграждали две сильнейшие команды мира: чемпионы мира спортсмены Чехословакии и отличная команда Румынии. Добившись победы, волейболисты СССР завоевали золотые медали. Выиграла первенство и женская команда Советского Союза.

Несгибаемая воля к победе — вот что больше всего волнует и пленяет зрителей в спорте.

ПРОЩАЛЬНЫЕ РУКОПОЖАТИЯ

Двенадцать дней длились Третьи игры. И с каждым днем росло число наших зарубежных друзей, с которыми мы вместе сидели на трибунах, оценивали силы соперников, обсуждали исход матчей и состязаний. Теперь, когда флаг соревнований спущен, нам хотелось бы привести на этих страницах мысли и впечатления тех, кто выступал на спортивной арене, и тех, кто оценивал эти выступления...

Ева Басакова, известная чехословацкая гимнастка, разделила на Третьих играх шестое и седьмое место с японкой Танака.

— Я сожалею,— сказала она,— что далека от своей лучшей формы, тем более, что состав участниц соревнований ничем не уступал составу олимпийскому. Но если я не удовлетворена спортивными успехами, то совершенно удовлетворена своими встречами с москвичами. Я тронута их радушием, гостеприимством и никогда не забуду доброжелательности советских зрителей...

— Бег на десять тысяч метров прошел на высоком уровне. Его и проиграть не обидно. Особенно, если учесть, что в Москве я установил новый рекорд Австралии,— сказал нам, улыбаясь, Аллан Лауренс.— С моей точки зрения, Болотников скоро будет лучшим бегуном на эту дистанцию. С нетерпением я ждал встречи с моим другом Владимиром Куцем. И эта встреча состоялась, правда, не на беговой дорожке, а за столом в доме Куца. И, знаете, это меня больше устроило: хотелось поближе познакомиться с этим замечательным спортсменом. Мы вместе с ним смотрели фильм об Олимпийских играх и вместе снова переживали перипетии борьбы. В Москве у меня было много радостных встреч, воспоминания о которых я увезу с собой в Австралию.

С Норманом Ридом — олимпийским чемпионом по ходьбе — нас познакомил Лауренс.

— Я был десятым в ходьбе на двадцать километров,— сказал нам Рид.— Слишком сильным оказался состав участников. Впрочем, сильный состав был во всех легкоатлетических номерах программы. С интересом наблюдал я соревнования бегунов на длинные дистанции и радовался высоким результатам прыгунов в высоту. С радостью встречусь с моими советскими друзьями на первенстве Европы по легкой атлетике в Стокгольме, где буду выступать за Англию. Особенно теплые воспоминания я сохраню о моих московских болельщиках, которые от всей души поддерживали меня.

— Мое личное твердое мнение заключается в том, что спорт — это лучшее средство для развития дружбы между народами,— сказал капитан английской команды регбистов Вильямс Рис.— Может быть, вам покажется смешным, что о дружбе говорит игрок в регби, представитель одного из самых резких и «агрессивных» видов спорта. А между тем регби — замечательная игра. Она требует такого же мужества, как футбол и бокс, и, право же, не резче, чем они. Скажу вам по секрету, что это самая замечательная игра, которую до сих пор придумал человек. Я хочу надеяться, что через несколько лет буду участвовать в матче регби Англия — СССР.

Жак Гробуа — специальный корреспондент агентства «Франс Пресс» — сказал нам:

— Я не пропустил ни одного соревнования в Москве, где участвовали китайские спортсмены, и мое мнение таково: через два — три года китайцы будут одними из самых сильных в мире почти по всем видам спорта.

Японские спортсмены особенно славятся своим мастерством в вольной борьбе и гимнастике. И именно поэтому, наверное, корреспондент крупнейшего японского телеграфного агентства «Киодо-цусин» Миякова Цуноси был неизменным посетителем именно этих соревнований. Он сидел с пишущей машинкой на коленях и тут же составлял телеграммы для своего агентства. В перерыве между двумя схватками борцов он сказал нам:

— Хотя команда советских борцов составлена не из самых сильных в стране, они все равно очень хороши. Это говорит о наличии у вас больших резервов. Впрочем, такую же картину мы можем наблюдать и в гимнастике. Посмотрите, сколько новых имен появилось на этих соревнованиях. Советские гимнастки очень сильны, и я не думаю, чтобы японским спортсменкам удалось их догнать.

О разных вопросах упоминали наши собеседники, о разных видах спорта говорили они, но у всех у них было одно мнение: игры прошли на исключительно высоком уровне и собрали рекордное число участников. И все наши собеседники говорили о замечательных советских зрителях, помогавших им побеждать. 12 дней зрители были соучастниками развернувшейся борьбы, как могли, поддерживали своих любимцев, успевали повсюду, несмотря на расстояния и насыщенность спортивной программы. 12 дней они аплодировали спортсменам. Теперь спортсмены аплодируют им. Вот этими словами о неутомимых и беспристрастных советских болельщиках нам и хотелось бы закончить свой рассказ о Третьих Международных дружеских спортивных играх.

Футбольный турнир

Во время III дружеских спортивных игр был проведен футбольный турнир. В нем принимали участие команды 16 стран. В день закрытия Игр состоялся финальный матч. Встретились команды СССР и Венгрии. Советские футболисты показали разнообразную, интересную игру и победили со счетом 5 : 1. Таким образом, советская команда стала чемпионом III дружеских игр, обладательницей приза и золотых медалей.

Вратарь венгерской команды И. Данка берет трудный мяч.

Фото А. Бочинина.

Певица Такидзава Миёко. Япония.

Вокальный октет. Корея.

Таланты пяти

Лучшие из лучших, талантливейшие из талантливых — так отзывались об участниках проходивших в Москве художественных конкурсов фестиваля члены жюри — прославленные артисты и музыканты мира.

Тридцать четыре тысячи делегатов приехало на фестиваль. Три тысячи сто юношей и девушек состязались в конкурсах молодых талантов мира. Представители 46 стран, 5 континентов,— они показывали здесь высокие образцы искусства своей страны, своего народа — то, что бережно передается из поколения в поколение. Ряд стран впервые прислал своих представителей на такой смотр.

Девятьсот сорок пять победителей конкурса получили медали. В соревнованиях по 21 жанру искусства золотых медалей удостоены 280 человек, серебряных — 376, бронзовых — 289. Кроме того, многие исполнители награждены дипломами.

Певица Сирен Манни. Финляндия.

Певица Валентина Захарова. СССР.

Артистка Пекинской музыкальной драмы Ду Цзин-фань. Китай.

Скрипач Эдвин Адамс. США.

Танцовщик Эсфандияр Кашани. СССР.

Танцевальный ансамбль имени Бранко Крсмановича. Югославия.

континентов

Скрипач Михаляк ↑ Томаш. Польша.

Танцовщица Наима Аккёв. Египет.

Пианистка Гу Шен-ин. Китай.

Секстет национальных инструментов. Вест-Индия.

Пантомима «Игра детей». Руководитель и исполнитель главной роли Энрико Нейеншвандер. Театр мимов. Чили.

Исполнители народных песен Пегги Сигер и Гэй Кэровэн. США.

→ Певец Коня Ладислау. Румыния.

Фото А. Гостева, О. Кнорринга, Е. Умнова и А. Шевича.

У ЧАРЛИ ЧАПЛИНА

Чарли Чаплин со своим любимцем, сиамским котом.

Элла ВИНТЕР,
английская журналистка

Большой уютный дом, окруженный тридцатью девятью акрами цветущей земли. Двухсотлетние кедры, сосны, японская вишня, море тюльпанов. По ту сторону Женевского озера возвышается вершина Дан дю Миди, которую кое-кто зовет сейчас «горой Чаплина».

Многие писатели и художники жили в швейцарском городке Вэвэ и в ближних местах на берегу озера: Байрон и Шелли, Руссо и Генри Джеймс, госпожа де Сталь и Ромен Роллан.

В последние годы здесь привыкли селиться всякие бывшие коронованные особы, которых революции лишили трона. Может быть, это отчасти и породило у Чарли Чаплина идею фильма «Король в Нью-Йорке», премьера которого состоится в сентябре в Лондоне. Это первый из восьмидесяти пяти фильмов Чаплина, созданный за пределами Соединенных Штатов.

Но сначала несколько слов о семье Чаплина, как она представилась моим глазам в этом живописном уголке Швейцарии, где маститый актер искал прежде всего уединения. У Чарли и его жены Уны шестеро детей, которые, как и все дети, любят животных. Однажды был взят для них напрокат пони из цирка, но его пришлось отослать обратно: конек был диковат, а «дэдди» (папе) нужен покой; он нервничал, боялся, как бы пони не ударил кого-либо из детворы копытом. Только сиамский кот, увязавшийся за семьей еще из Голливуда, остался признанным всеобщим баловнем.

Чарли Чаплин — прекрасный отец, с детьми он проводит большую часть своего времени. В шумных и веселых играх он всегда выступает незаметным режиссером, терпеливо выявляя и поощряя таланты каждого из ребят. А дети и впрямь талантливы. Джеральдина пишет рассказы; Майкл дополняет их, выдумывая истории о змеях, которых он поймал и приручил, а затем «продал местным аптекарям, которым нужен яд». Десятилетняя Жозефина и семилетняя Виктория увлекаются балетом — они недавно затеяли и разыграли целую «пекинскую оперу». Когда детям подарили африканских черепах, они проявили незаурядные архитектурные способности, построив для невиданных животных домики, а четырехлетний Юджин дал всем черепахам остроумные прозвища. Все дети очень музыкальны, это — явное наследие отца, который сам сочиняет музыку и песни для своих картин. Только последний отпрыск рода Чаплиных, маленькая Джейн, которой всего несколько месяцев, еще не проявила своей одаренности.

Вся семья обожает спорт — это уже влияние матери. Джеральдина, старшая дочь, — заядлая лошадница, она собирает книги о лошадях, рисунки, фотографии знаменитых рысаков. Теннис, велосипед, плавание, парусные лодки, рыбная ловля, зимой — лыжи и коньки; каждый, включая и младших, посильно увлекается то тем, то другим.

Такова жизнерадостная семья Чаплиных. И вот однажды небывалое возбуждение охватило детей. Отец решил попробовать одиннадцатилетнего Майкла в роли Руперта в картине «Король в Нью-Йорке». Майкл никогда не играл в фильмах, и для семьи была откровением неожиданно выявившаяся актерская одаренность мальчика. Майкл подошел к задаче с предельной серьезностью. Не раз операторы и ассистенты режиссера разражались аплодисментами на репетициях — настолько хорошо вел свою роль мальчуган. Отец работал с ним несколько месяцев подряд. Юный актер невероятно быстро перенимал у Чарли его прославленную «естественность», внутренний ритм, полное отсутствие шаржировки и позы. Большие хитроватые глаза Майкла и несколько меланхолическое выражение лица удивительно подходили для роли. Когда картина была закончена, отец буквально покатывался от хохота, глядя на работу сына. Майкл принимал похвалы со спокойной уверенностью, он только раз обиделся, когда в его роли сделали некоторые купюры...

Однако пора рассказать о самом фильме. Это история короля, потерявшего трон в Европе и сбежавшего в Америку. Там беглеца постигает тяжелый удар: его собственный министр иностранных дел присвоил всю его казну. Случайно король встречается с молодой женщиной, которая зарабатывает на жизнь тем, что выступает в рекламных телевизионных фильмах. Грустный король очарован ею. Однажды она приводит его в телевизионную студию и, прикрываясь кокетливым флиртом, проводит съемки бывшего венценосца, для рекламной телепередачи, о чем тот не имеет ни малейшего понятия. Здесь же, в студии, происходит объяснение между ними. Экс-король на вершине блаженства.

Теперь у него телевизор даже в ванной комнате гостиничного номера. В ванной же комнате он исполняет самозабвенный танец.

Знатному гостю Америки приходит в голову мысль совершить поездку по стране. Его везут в школу, где обучение ведется самоновейшими методами. Школьники устраивают с королем ряд уморительных трюков. Один из ребят заводит с бывшим венценосцем вполне серьезный разговор на политические темы. Роль этого школьника как раз и исполняет сын Чарли, Майкл. В облике мальчика забавно сочетаются озорство и грусть, в этом отношении он вылитая копия незабываемого Чарли из прежних чаплинских фильмов.

Позднее на незадачливого короля валится совсем уже неожиданная беда. Некая вашингтонская «комиссия» выдвигает против него обвинение... в «коммунистической» деятельности. В конце концов короля оправдывают. Но он настолько перепуган, что решает как можно скорее бежать обратно, «домой», в Европу. Его американские приключения окончены.

Дети Чаплиных. Справа налево: Майкл, Виктория, Юджин.

Чарли говорил мне, что участие Майкла в картине делает ее новым «Кидом» (так назывался один из самых популярных фильмов Чаплина). Вначале отца несколько испугала возможность чрезмерного увлечения Майкла своим успехом. Он даже предложил заменить его имя псевдонимом. Но Майкл воспротивился: ему хотелось, чтобы все ребята в школе знали, что в фильме выступает именно он. Родители решили, что «секрет» все равно откроется, и вариант с псевдонимом был отвергнут.

Майкл больше не будет пока играть — отец хочет, чтобы он получил нормальное школьное образование. Передача таланта Чарли Чаплина по наследству сыну — факт знаменательный и трогательный. Но это естественно для семьи Чаплиных, где господствуют нежная любовь и атмосфера подлинного творчества.

→ Кадр из фильма «Король в Нью-Йорке». Король в ванной комнате репетирует свое выступление в телевизионной программе.

ДВА СНИМКА ОЛЕГА ПОПОВА

Весь мир смеется над остроумными шутками и трюками Олега Попова. Но недавно мы видели, как замечательный клоун сам смеялся до слез. Кто же вызвал этот гомерический хохот?

Комики из американского журнала «Лук».

В одиннадцатом номере своего журнала американские редакторы поместили снимок Олега Попова. В пояснении написали, что это известный советский клоун... Карандаш. А затем — врать так врать — приписали Попову-Карандашу пошлый анекдот, густо приправленный антисоветчиной.

— Послушай-ка, Попов! — сказал Олег Попов, обращаясь к своему изображению на рекламной афише, которая облетела всю Европу.— Ты видел что-нибудь подобное? Ведь эдак, пожалуй, над ними больше будут смеяться, чем надо мной в цирке!

Снимок из журнала «Лук».

Вокруг фестиваля

Рисунки Курта ХАЛБРИТТЕРА (ФРГ).

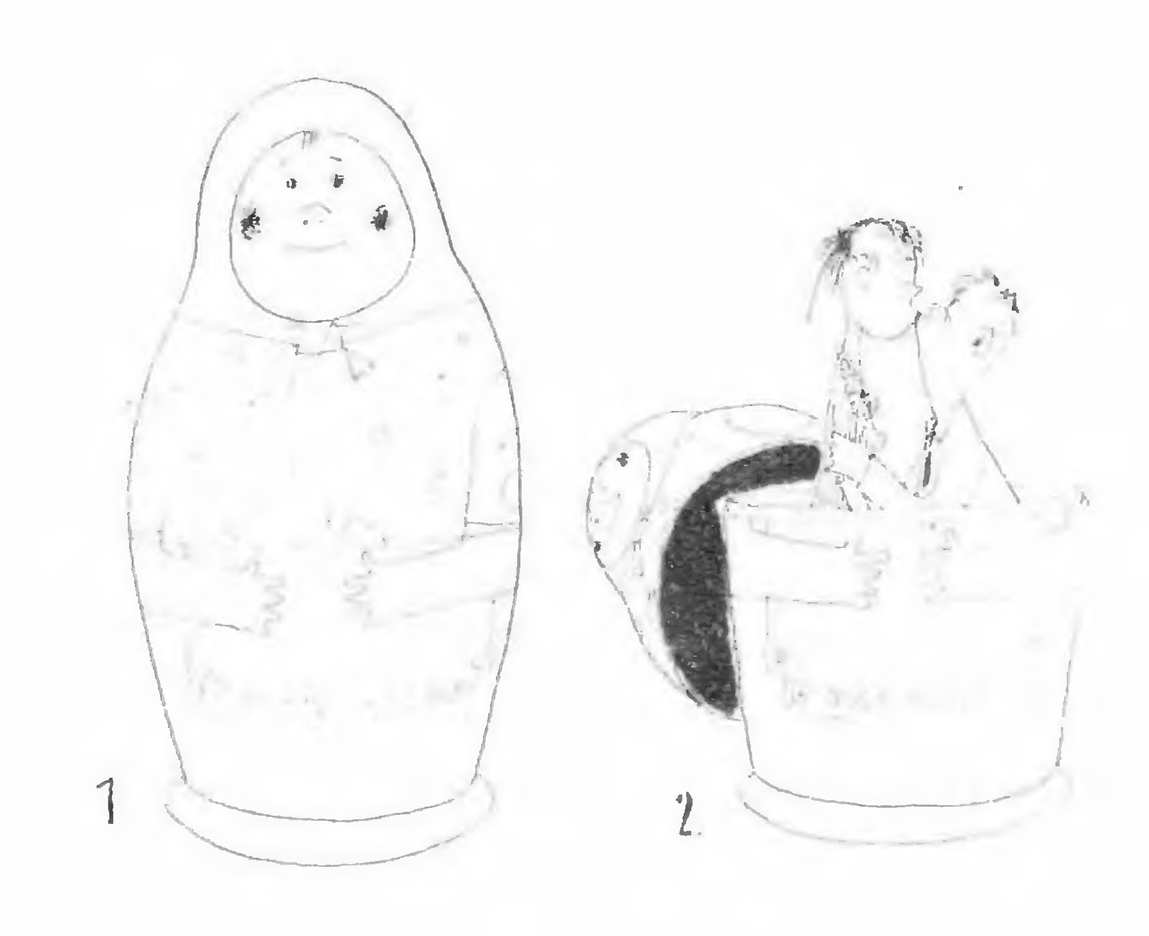

На Красной площади.

— А где же, собственно говоря, Красная площадь?

— Я сегодня 2 576 раз пожал руку и дал 798 автографов!

Фестивальная матрешка.

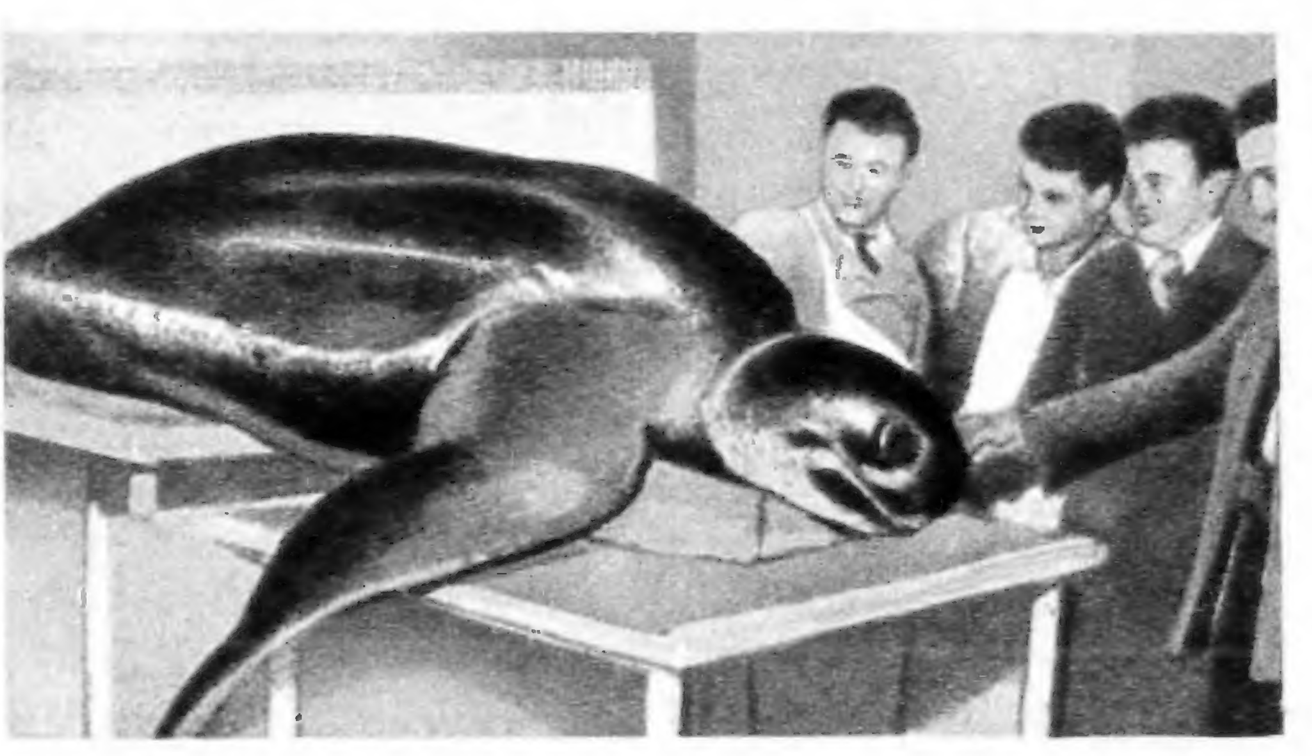

— Такого сувенира, я уверен, не будет ни у кого.

Мы довезем не только улыбки и приветы, но даже вкусное московское мороженое.

400 ЛЕТ, 430 КИЛОГРАММОВ

Огромная морская черепаха весом в 430 килограммов была выловлена вблизи острова Ре, у атлантического побережья Франции. Рыбаки продали ее одному парижскому рыботорговцу, в магазине которого на рынке Терн она и была заснята. Жозефина, как прозвали черепаху, доставила удовольствие не одному любителю черепахового супа. По свидетельству специалистов, Жозефина, когда ее постиг печальный конец, имела от роду 400 лет.

Снимок из газеты «Юманите».

Каменная книга

Есть много сказок о том, как Иванушка-дурачок путешествовал, не слезая с теплой печи. Если говорить о владимирских печах, то сказочники были весьма близки к истине. Печи расписывались местными мастерами так, что изразцы напоминали листы книги, рассматривая которые можно побывать в самых дальних краях.

Одна из таких печей-книг находится во Владимирском областном краеведческом музее. Она привезена во Владимир из Суздаля. Два ряда легких, полувоздушных колонн поддерживают ярусы печи. Ее верх венчают своеобразные шкатулки. На каждом изразце печи — своя картинка.

Печь была сооружена еще в семнадцатом веке. Выходя за пределы церковной догматики, народные мастера создавали произведения, отмеченные тонкой поэзией. Поэтический образ природы лежит в основе художественного оформления каменной книги. Цветочный орнамент напоминает пойменные заливные луга Клязьмы и Нерли, много изображений зверей и птиц, которых владимирские умельцы любили рисовать на архитектурных памятниках. На некоторых изразцах мы видим сценки из старинных притч. Любопытно, что подобные печи были удобны и практичны в быту; они не только радовали глаз, но и хорошо грели.

Е. ОСЕТРОВ

Прозрачная скрипка

Случайно я обнаружил, что органическое стекло обладает удивительно хорошим резонансом. И вот в часы отдыха, пользуясь имеющимся дома инструментом, я сделал из этого материала прозрачную скрипку. По своим музыкальным качествам она, пожалуй, не уступит скрипке, взятой мною за образец.

Н. КУЗЬМИЦКИЙ, инженер.

Ленинград.

ПРИЗЫ ЗА МАРКИ

В Государственную коллекцию почтовых марок при Центральном музее связи имени А. С. Попова в Ленинграде поступило пять призов из Италии. Они присуждены Министерству связи СССР итальянским Олимпийским комитетом за марки 1954 года, посвященные советскому спорту. Марка на тему о велосипедном спорте удостоена золотой медали, о парусном — серебряной. Серебряный кубок и два серебряных блюда вручены за марки с изображением баскетбола, слалома и альпинизма.

Н. САФОНОВ

Лилия-дикарка

Лилия Кессельринга расцветает высоко в горах Кавказа, когда в подмосковных лесах уже осень. Растет она по крутым склонам гор или на лужайках, куда нередко приходят отдыхать бурые медведи. Ее стебель около полутора метров высоты, и лилию-дикарку нельзя не заметить среди травы. Цветы у нее лимонно-желтые, с черными крапинками, мельче, чем у белой садовой лилии, но по запаху и красоте не уступают последней.

Размножается лилия луковицами и семенами, чаще луковицами, так как в горах снег выпадает рано и семена не успевают вызревать. Откопать луковицу нелегко: только с помощью ледоруба можно аккуратно снять дернину и верхний, каменистый слой почвы, затем надо осторожно подкапывать луковицу со всех сторон, чтобы не повредить белых сочных чешуй.

Если луковицу уложить во влажный мох и обернуть вощеной бумагой, то в таком виде ее можно везти на любое расстояние. Растение очень неприхотливо, его можно разводить в садах и скверах. Сфотографированная лилия расцвела в Главном ботаническом саду Академии наук СССР.

Т. БУЧ

Три папиросы

КИТАЙСКАЯ МИНИАТЮРА

Жена, обращаясь к мужу, спросила: «Ты почему сегодня закуриваешь уже третью папиросу? Разве врач не предупреждал, что тебе в день можно выкуривать только одну?»

Муж ответил: «Да, это верно! Но недавно я был еще у двух врачей, которые также сказали, что я могу выкуривать всего лишь по одной папиросе в день».

Перевел с китайского В. СОСЕДОВ.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

4. Единица измерения давления. 9. Молодой лес. 10. Государство в южных Пиренеях. 11. Столица европейского государства. 13. Благородный металл. 14. Спортивная русская игра. 15. Учение о нравственности. 17. Вид контрольного документа. 18. Город на берегу Черного моря. 19. Большая группа родственных по языку народов, живущих в Азии и Европе. 23. Планета. 25. Комедия Д. И. Фонвизина. 28. Суждение или умозаключение, содержащее два исключающих друг друга положения. 29. Строительный или другой материал, сложенный в правильную форму. 30. Белорусский писатель-драматург.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Совокупность признаков, характеризующих искусство определенного времени и направления. 2. Раздел астрономии. 3. Место для представления в цирке. 5. Высококалорийный корм. 6. Завиток в написании. 7. Венецианская лодка. 8. Линия полета пули, снаряда. 11. Животное семейства куньих. 12. Охотничья сумка. 16. Приток Енисея. 17. Доска для учета явки на работу. 20. Мастер по изготовлению изделий из драгоценных металлов и камней. 21. Военная операция. 22. Область в Румынии. 24. Фигурная линейка. 26. Казачий атаман, русский землепроходец. 27. Вьющееся и лазающее растение.

Ответы на кроссворд, напечатанный в № 33

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

5. «Аристократы». 8. Телеграф. 9. Оператор. 12. Пьеса. 14. Редуктор. 15. Мирабель. 18. Каскад. 20. Мортира. 21. Геракл. 22. Метагалактика. 25. Вагнер. 26. Фронтон. 27. Афгани. 30. Покрышка. 31. Комплекс. 32. Цитра. 34. Политура. 35. Соратник. 36. Аккумулятор.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Пригорок. 2. Эстамп. 3. Труппа. 4. Старание. 6. Петрушка. 7. Мольберт. 10. Решительность. 11. Механизатор. 13. Электроника. 16. Болгары. 17. Трактор. 19. Днепр. 21. Гекла. 23. Антропов. 24. Угольник. 28. Акустика. 29. Гончаров. 32. Цереус. 33. Абовян.

На вкладках этого номера: репродукции картин А. К. Саврасова «На Волге», Ф. А. Васильева «Чебоксары», Л. Л. Каменева «Вид на Казанку», В. А. Тропинина «Портрет старика, опирающегося на палку», К. А. Трутовского «Сбор податей», П. О. Ковалевского «На пашне» и четыре страницы цветных фотографий.

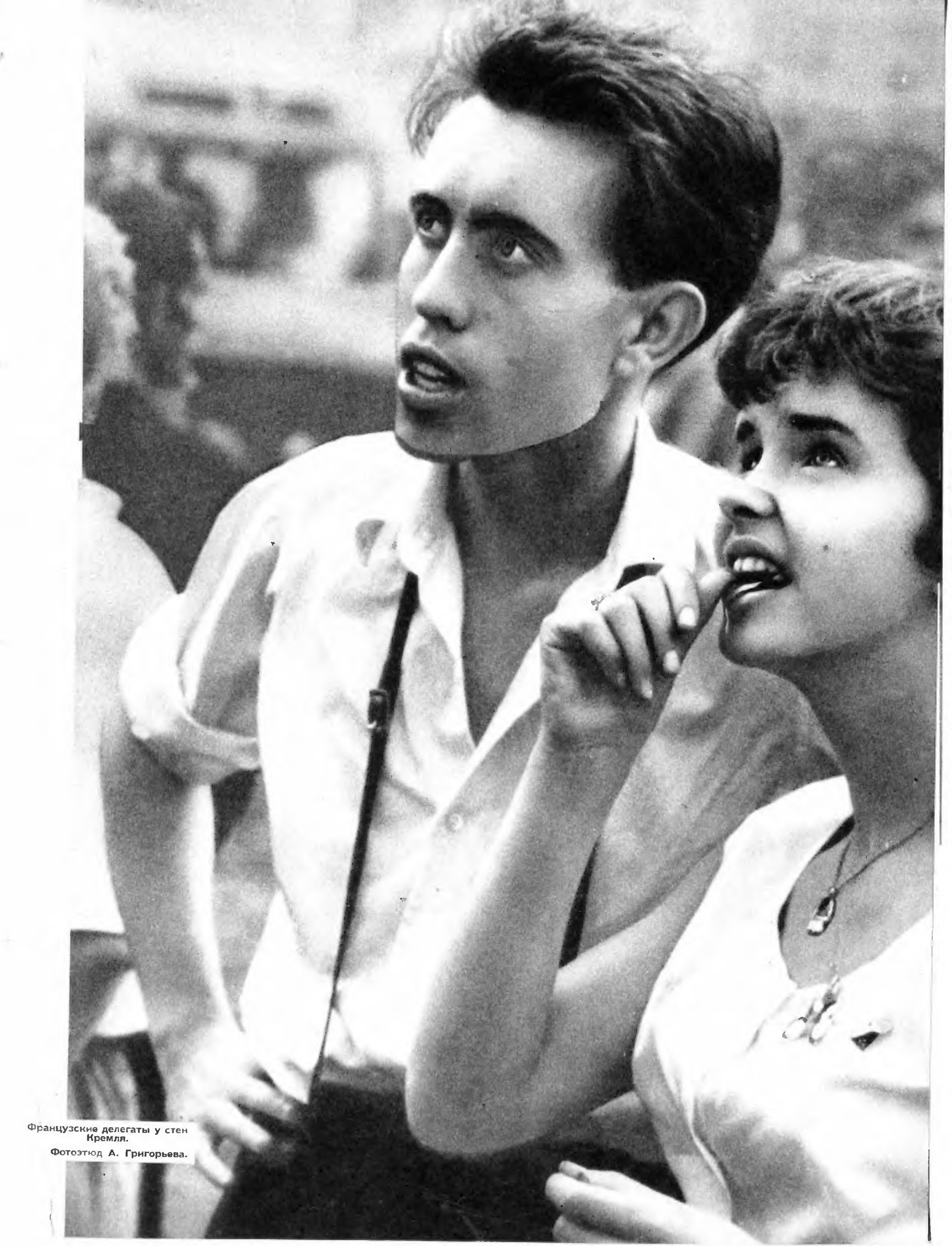
Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, И. А. УРАЗОВ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление Л. Шумана.

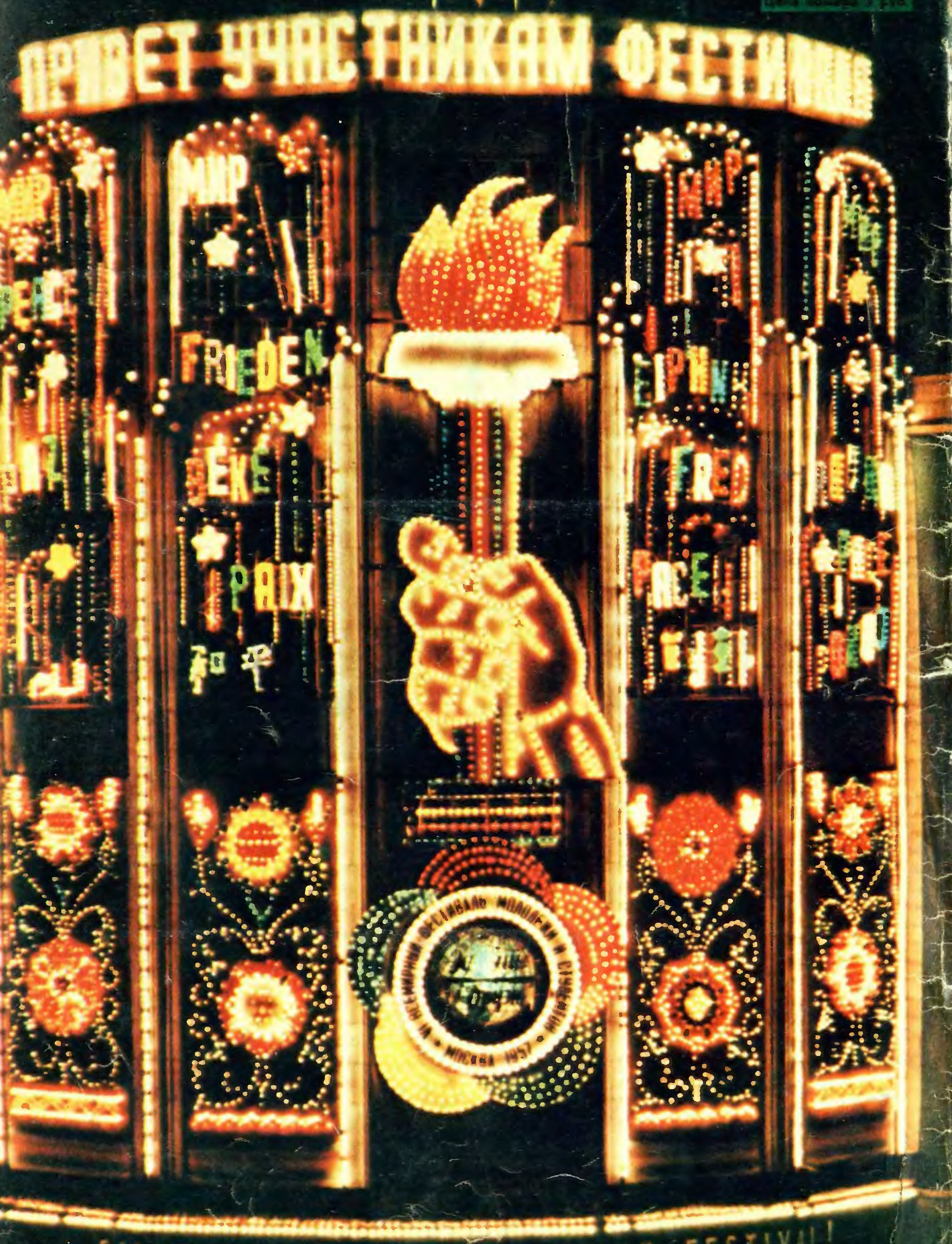
Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 07702. Подписано к печати 14/VIII 1957 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л.—6,85 печ. л. Тираж 1 200 000. Изд. № 890. Заказ № 2010.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Французские делегаты у стен Кремля.
Фотоэтюд А. Григорьева.

Цена номера 3 руб.
ПРИВЕТ УЧАСТНИКАМ
МИР
FRIEDEN
BEKE
PAIX
МИР
FRED
PACE
МОСКВА 1957
SALUT AUX PARTICIPANTS DU FESTIVAL!